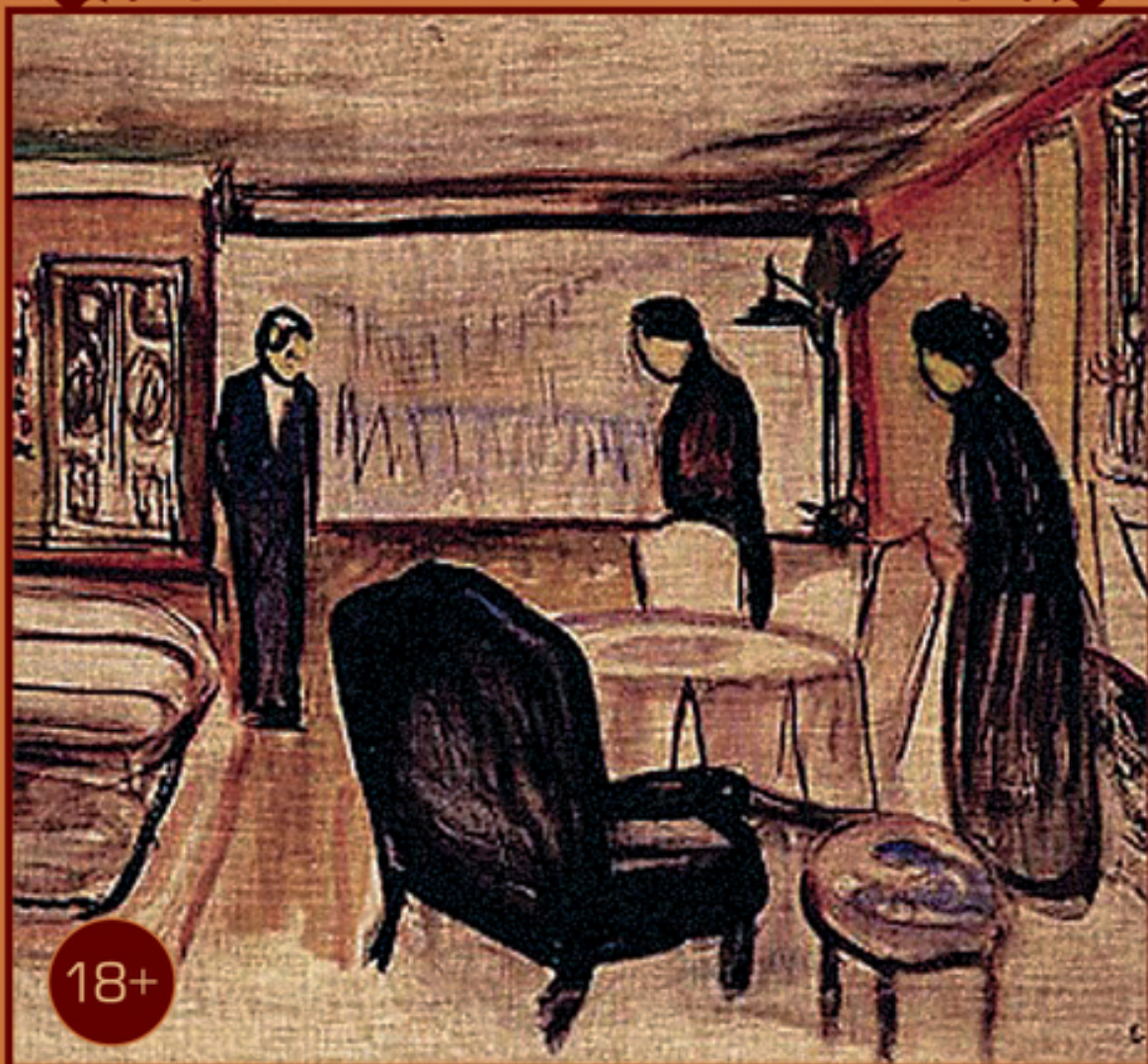

ХЕНРИК
ИБСЕН

✧
ВЕРНУВШИЕСЯ

Столпы общества
Кукольный дом
Привидения

✧

18+

✧ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✧

Зарубежная классика (АСТ)

Генрик Ибсен

Вернувшиеся (сборник)

«АСТ»

1877-1881

УДК 821.113.5-2
ББК 84(4Нор)-6

Ибсен Г.

Вернувшиеся (сборник) / Г. Ибсен — «АСТ»,
1877-1881 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-103111-4

В сборник «Вернувшиеся» вошли три пьесы Хенрика (Генрика)
Ибсена: «Столпы общества» (1877 г.), «Кукольный дом» (1879 г.) и
«Привидения» (1881 г.) в новом, великолепном переводе Ольги Дробот.

УДК 821.113.5-2
ББК 84(4Нор)-6

ISBN 978-5-17-103111-4

© Ибсен Г., 1877-1881
© АСТ, 1877-1881

Содержание

Несколько слов о Хенрике Ибсене	6
Столпы общества	10
Действующие лица	10
Действие первое	11
Действие второе	25
Действие третье	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Хенрик Ибсен

Вернувшиеся (сборник)

Henrik Ibsen

SANFUNDETS STOTTER

ET DUKKENJEM

GENGANGERE

© Ольга Дробот, перевод, 2017

© ООО «Издательство АСТ», издание на русском языке, 2017

Несколько слов о Хенрике Ибсене

Было бы странно тратить время на попытки убедить читателей в непреходящем величии наследия Хенрика Ибсена – пьесы норвежского гения вот уже полтора века не сходят с театральных афиш на всех континентах. Ибсен неизменно занимает одно первых мест по количеству постановок, уверенно деля статистический Олимп мирового театра с Шекспиром, Чеховым, Мольером. В начале прошлого века отец «новой драмы» – именно так называют Ибсена во всех учебниках по истории театра – был, без преувеличения, властителем дум и в России. О нем спорили, про него писали статьи, им были увлечены, его много ставили лучшие режиссеры, среди которых достаточно назвать Станиславского и Мейерхольда... Сказать, что сегодня Ибсен российской сценой забыт, будет несправедливо. Случаются достойные спектакли по его пьесам, многие из них становятся событиями – как, например, «Враг народа» Льва Додина. А совсем недавно пьеса Ибсена «Привидения» вдохновила создателей одного из самых необычных представлений московского сезона, проекта «Вернувшиеся».

И все же постановки ибсеновских пьес на совокупной российской афише наших дней продолжают оставаться скорее исключениями. Мне кажется это странным и несправедливым. Ведь даже если взглянуть на драматургическое наследие Ибсена поверхностным, деловитым взглядом продюсера, в большинстве его пьес легко найти то, что всегда востребовано самым широким кругом зрителей – интересные сюжеты, напряженные диалоги и мастерски написанные роли. И вместе с тем, если смотреть на лучшие пьесы Ибсена с точки зрения глубинных тем и смыслов, он оказывается поразительно созвучен самым насущным общественным и гуманитарным темам: кризис семьи и равноправие полов; конфликт человеческих чувств и финансовых интересов; стремление к свободе и трагедия ее долгожданного обретения; противостояние личности коррумпированному обществу; потерянные репутации и фантомы прошлого, не отпускающие людей; самоопределение индивидуума и предрассудки социума; повседневный быт и высокая мечта. Даже взаимоотношения природы и человека – все это есть у Ибсена, словно поверх быта и реальностей позапрошлого века. Барьер между драматургией норвежского классика и сегодняшним российским театром, я уверен, во многом обусловлен проблемами переводов. К сожалению, молодые (да и немолодые) режиссеры и актеры вынуждены читать пьесы Ибсена в давно устаревших переводах. Конечно, современный театр не трясется над каждым словом классиков, он уверенно присвоил себе право говорить «своими словами», адаптировать и подлаживать старые тексты под новые идеи или актуальные постановочные решения. Но первый контакт с материалом все равно самый важный – и мало кто из театральных практиков находит в себе силы для преодоления архаики литературной ткани старых переводов.

С появлением переводов Ольги Дробот приходит и надежда на новые постановки Ибсена. Храня верность Ибсену, переводчик словно приближает его персонажей к нам, сокращает выращенную временем дистанцию. Это не принудительное «осовременивание», а приглашение на современную российскую сцену.

Роман Должанский

театральный критик, член Комитета Международной Премии Ибсена

* * *

Три пьесы этого первого тома «драм о современности» Ибсен написал одну за другой в конце позапрошлого века: «Столпы общества» в 1877 году, «Кукольный дом» в 1879 и «Привидения» – в 1881. В России это как раз было время огромной влюбленности в скандинавскую

литературу. Все, что писали Андерсен, Стриндберг, Ибсен, Хьелланд, Банг, Гарборг, а чуть позднее – Гамсун, Лагерлеф, Унсет немедленно переводилось на русский язык, причем разных переводов Ибсена, например, существовало множество. Альманах «Фьорды» оперативно знакомил читателей со всеми скандинавскими новинками, и так спешил, что иной раз совмещал перевод с пересказом – что поделаешь: читатели ждут не дождутся роман любимого автора, а перевод еще не готов. Легендарные Анна и Петр Ганзены, Юрий Балтрушайтис, Константин Бальмонт – вот только некоторые имена тогдашних переводчиков Ибсена, спрос на которого дополнительно подогревался страстью к нему основателей МХАТа. Станиславский писал: «Ибсен был для нас одним из тех драматургов, которые помогли нам нащупать правильные пути сценического творчества. Он сыграл для нашего театра ту же роль, что Чехов, Горький, Гауптман». Роман МХАТа с Ибсеном не был простым, но сама по себе преданность Немировича-Данченко и Станиславского сложному норвежскому автору накаляла интерес, постановки обязательно сопровождались страстной полемикой. Ибсена можно было не любить, но нельзя было не читать и не знать (случай Льва Толстого яркий тому пример), потому что Ибсен еще при жизни стал неотъемлемой частью европейского культурного канона.

Сегодня Ибсен второй после Шекспира самый «ставимый» драматург в мире. Я бы объяснила это тем, что у него был особый дар: безошибочно задавать вопросы, на которые нет ни хороших, ни правильных, ни уж тем более однозначных ответов. Вот и во всех трех пьесах этого тома Ибсен быстро и безжалостно загоняет своих героев в отчаянное положение, когда денежные или шкурные интересы подводят человека под монастырь. Чувствуя себя зажатым в угол, опасаясь за свое стабильное будущее, человек скрепя сердце идет и на подлость, и на предательство. Ибсен как будто предлагает герою (и читателю) набор из трех предметов – совесть, чувства, деньги, но разрешает выбрать только два пункта, все три сразу нельзя. Поэтому какой бы выбор герой ни сделал, что-то важное он непременно потеряет. В результате герои Ибсена никогда не бывают идеальными, но остаются живыми людьми, которые мечтают, ошибаются, хотят счастья, но не знают, как поступить правильно. Нам так легко увидеть на месте Норы, Хелмера или Ранка себя и своих знакомых, что первым делом мы думаем с некоторым облегчением – слава богу, не я оказался на этом месте сегодня; а потом с сочувствием и некоторым позорным любопытством – но как они выпутаются?

Этому, конечно, много способствует установка Ибсена, что герои на сцене должны говорить как в обычной жизни, живым понятным языком. Надо сказать, что от Ибсена этот прием «новой драмы» требовал большего, чем от Чехова или Гауптмана, например. Дело в том, что Ибсен буквально создавал не только театральный, но вообще литературный норвежский язык. После того как в XIV веке страшная чума, названная Черной смертью, выкосила не менее трети населения Норвегии, страна обезлюдела, ослабела и до 1814 года была под датской короной. Соответственно, официальным, письменным языком был датский. Но в 1814 году Норвегия приняла свою Конституцию и двинулась к полной государственной самостоятельности, которой достигла в 1905 году. Существенной частью этого удивительного процесса были острейшие споры о языке. Ибсен лепил сценический язык и тем самым раздвигал рамки норвежского языка вообще, и точно также его пьесы не просто откликались на актуальную повестку дня, но и формировали ее: каждая новая драма о современности сопровождалась новым скандалом и новыми дебатами. Например, пьеса «Привидения» долго считалась «очернительством» традиционных семейных ценностей, чуть ли не провокацией, так что когда в 1902 году зашла речь о присуждении Ибсену Нобелевской премии, его кандидатура была отвергнута за «негативизм». Да и в России «Привидения» были под цензурным запретом более двадцати лет. Думаю, сильнее всего охранителей раздражало открытие, сделанное в пьесе «Враг народа» доктором Стокманом, что «на самом деле свободомыслие и нравственность – одно и то же». И что свобода всегда имеет цену, а выбираешь ты зачастую между радостью и долгом. Вот талантливый человек строит свою карьеру агрессивно и цинично, но если правда о его грехах выйдет наружу,

то кто окажутся судьями – завистники и бездари? Или женщина очень несчастна в браке, но считает нужным создать для сына культ идеального отца – она не в силах решиться рассказать правду о своем муже ни сыну, ни тем более обществу. А вот, наоборот, очень счастливая молодая семья: восемь лет вместе, прелестные дети, красавица-жена и трудоголик-муж, который только что получил завидную денежную должность. Но тут-то и выясняется, что муж и жена не чувствуют и не понимают друг друга, потому что за семейными хлопотами они не успели душевно сблизиться. И что им делать с этой неприятной и невыносимой правдой, когда у них трое малышей?

Поиск правды – главная тема Ибсена во всех пьесах о современности. И он не боится поставить человека перед личным выбором, заставить думать своей головой и оспаривать общепринятые истины и нормы. В его пьесах носителем и двигателем прогресса является не большинство, а презираемое всеми меньшинство, часто – вообще один человек (и за это доктора Стокмана будут преследовать как врага народа). Меньшинство ищет правды, но она у Ибсена всегда и конструктивна, и разрушительна одновременно, она необходима, но часто очень неприятна. При этом, в отличие от нашего постмодернистского неразличения добра и зла, мол, все кошки серы, правда и неправда – суть одно и то же, у Ибсена нет сомнений, что зло – это зло. Он всё называет своими именами и «старомодно» требует от героев совершить нравственный выбор. Все (и я в том числе) переводят Gengangere как «Привидения», теряя второе значение этого слова: повтор, какие-то воспроизводящиеся раз за разом ситуации, отношения, суждения. И в этом смысле Ибсен сам такой gjenganger, то есть классик литературы в чистом виде: он является каждому новому поколению и снова задает свои неприятные вопросы. И снова мы, читатели, пребываем в мучениях героев, в их умении обманываться в самых очевидных вещах, в том, как они зачем-то превращают сложную ситуацию в неразрешимую, легко узнаем себя. Ибсен действительно много писал о разрушительной силе денег, но ставят его пьесы не только в странах, где есть возможность быстрого обогащения и нет моральных преград, но и в законопослушных Европе, Америке, Японии. Потому что тяжесть этого выбора между совестью, деньгами и чувством не становится легче никогда.

И в заключение несколько слов об уникальном проекте Ibsen in Translation – его ведет Ибсеновский центр Университета Осло, а представленные переводы – русская часть проекта. В 2006 году отмечалось столетие со дня смерти Ибсена. К этой дате издательство Aschehoug выпустило тридцатидвухтомное комментированное собрание сочинений Ибсена, над которым работала большая международная команда ибсеноведов. Это самая полная текстологическая версия, сверенная, уточненная и выправленная, своего рода официальный стандарт Ибсеновских текстов. На основании это собрания сочинений тогдашний глава Союза переводчиков Норвегии Эллинор Колстад и директор Ибсеновского центра Университета Осло Фруде Хелланд начали вести проект Ibsen in Translation. Речь идет о новых переводах Ибсена на те языки, где в этом есть насущная необходимость. Например, на русский пьесы о современности не переводились сто с лишним лет: блистательные дореволюционные переводы Ганзенов были отредактированы в пятидесятые годы Владимиром Адмони, и в 2006 году Ирина Куприянова и Андрей Юрьев отредактировали старый перевод «Росмерсхолма». Но парадокс в том, что быстрее всего устаревает в литературном языке самая «актуальная» составляющая. Ибсен настаивал на том, что его герои должны разговаривать на сцене точно как в жизни. Однако эта самая жизнь так серьезно изменилась за прошедшие, считай, полтора века, что и укорененный в ней язык, впитавший революции, войны, реформы, тоже очень изменился, ускорился, стал прагматичнее. Язык, на который перевожу я, не тот, на который переводили Балтрушайтис и Ганзены. Проект Ibsen in Translation устроен так: мы, переводчики из разных стран, одновременно переводим пьесы о современности на испанский, китайский, хинди, арабский, египетский, фарси, японский и русский, руководствуясь единой стратегией. Выработать ее оказалось нелегко, но все же мы сформулировали ее так – переводим полный текст Ибсена на современ-

ный литературный язык (и оставляем режиссерам самим приспособлять текст специально под нужды театра). Это, некоторым образом, синхронное плавание: каждый работает сам, но мы встречаемся, чтобы обсудить и внимательно прочесть каждую пьесу вместе, с Фруде Хелландом, Эллинор Колстад и экспертами. Само по себе это обсуждение всегда дело захватывающее: японский переводчик должен составить точную иерархию всех действующих лиц, учитывая их пол, возраст, доходы и родственные связи, иначе нарушится вся система обращений в пьесе; китайский всегда мучается с божбой, арабский – с крепкими напитками, а я, например, с тем, что и «дом» как здание и «дом» как семья и семейный очаг переводятся на русский язык одним и тем же словом, а «гражданин» и «горожанин», наоборот, суть одно норвежское слово, нужная птица оказывается не того рода, русские должности совершенно не соответствуют норвежским и прочие обычные переводческие трудности. По счастью, у каждого переводчика есть группа поддержки – эксперты, с которыми можно эти проблемы обсудить. Поэтому закончить свое короткое слово мне хочется словами благодарности переводчику Нине Федоровой, театроведу Марине Астафьевой и профессору-скандинависту Галине Храповицкой, моим внимательным и придирчивым экспертам, самым первым читателям, и руководителям проекта Фруде Хелланду и Эллинор Колстад за помощь, беседы, обсуждения. Пьес о современности всего двенадцать, так что будем надеяться, что этот том – первый в большом проекте.

Ольга Дробот

Столпы общества

Пьеса в четырех действиях, 1877

Действующие лица

Консул Берник.
Бетти Берник, его жена.
Улаф, их сын, 13 лет.
Марта Берник, сестра консула.
Юхан Тённесен, младший брат Бетти Берник.
Лона Хессель, старшая сводная сестра Бетти Берник.
Хилмар Тённесен, двоюродный брат Бетти Берник.
Рёрлунд, учитель с университетским дипломом.
Руммель, крупный коммерсант, оптовик.
Вигеланн, коммерсант.
Санстад, коммерсант.
Дина Дорф, воспитанница в доме Берника.
Крап, поверенный и управляющий верфью и делами Берника.
Ауне, корабельный мастер.
Госпожа Руммель, жена коммерсанта Руммеля.
Фрёкен Руммель, ее дочь.
Госпожа Холт, жена почтмейстера Холта.
Фрёкен Холт, ее дочь.
Госпожа Люнге, жена доктора Люнге.
Мещане и горожане разных сословий, иностранные моряки,
пассажиры парохода и др.

Действие происходит в доме консула Берника в небольшом южном приморском городке.

Действие первое

Просторная зала с выходом в сад в доме консула Берника. Слева на авансцене дверь в кабинет консула, чуть дальше по той же стене еще одна дверь. В середине противоположной стены широкая входная дверь. Задняя стена сплошь из зеркальных окон и с дверью, распахнутой на широкую террасу, затянутую навесом от солнца. Ниже террасы видна часть сада, обнесенного оградой, и калитка. За оградой улица, на противоположной ее стороне – белые деревянные домики. Лето, жарко, палящее солнце. По улице во все время действия ходят люди, кто-то останавливается перекинуться словечком-другим, в лавочке на углу идет торговля и т. д.

В зале за круглым столом расположилось дамское общество. В центре – г о с п о ж а Б е р н и к. Слева от нее г о с п о ж а Х о л т с дочерью, далее Г о с п о ж а Р у м м е л ь с дочерью. Справа сидят г о с п о ж а Л ю н г е, М а р т а Б е р н и к и Д и н а Д о р ф. Все заняты рукоделием. На столе стопками лежат скроенные и сметанные ночные сорочки и прочая одежда. В глубине комнаты за маленьким столиком, на котором стоят два цветка в горшках и графин воды с сиропом, сидит учитель Р ё р л у н д и читает вслух книгу с золотым обрезом, причем до зрителей долетают лишь отдельные слова. В саду бегают У л а ф, стреляет из игрушечного лука.

Вскоре из правой двери тихо входит м а с т е р А у н е. Чтение прерывается, госпожа Берник кивает ему, показывая на дверь налево. Ауне робко стучит в дверь, выжидает, снова стучит, и так несколько раз. Из комнаты со шляпой в руке и бумагами под мышкой выходит п о в е р е н н ы й К р а п.

К р а п. Так. Это вы стучите?

А у н е. Консул посылал за мной.

К р а п. Посылал, но принять вас не может и поручил мне...

А у н е. Вам? Я бы все же хотел...

К р а п. ...поручил мне сказать вам, что вы должны прекратить эти ваши субботние лекции рабочим.

А у н е. Вот как? А я думал, что на досуге могу делать, что хочу.

К р а п. Вам досуг дан не для того, чтобы отучать народ трудиться. В прошлую субботу вы объясняли рабочим, что новые машины и новое устройство работ на верфи им невыгодны. Для чего вы это делаете?

А у н е. Хочу укрепить опоры общества.

К р а п. Странно. А консул говорит, что вы общество разрушаете.

А у н е. Общество у меня и у консула разное, господин поверенный. Как старшина сообщества рабочих, я...

К р а п. В первую голову вы старшина на верфи Берника. И обязаны служить сообществу под названием фирма консула Берника, потому что она всех нас кормит. И довольно. Теперь вы знаете, что консул хотел вам сказать.

А у н е. Консул сказал бы это иначе, господин поверенный. Но я отлично понимаю, откуда ветер дует. Все оно, проклятое американское аварийное судно. Эти людишки хотят, чтобы мы гнали работы, как принято у них там.

К р а п. Да, да, да, но мне некогда входить в детали. Мнение консула вам изложено, и баста. Вам, верно, пора обратно на верфь, дела ждут. Я скоро тоже подойду. Прошу простить, дорогие дамы!

Откланивается, проходит через сад, уходит вниз по улице. Мастер Ауне в задумчивости уходит направо. Учитель на протяжении всей беседы, которая велась на приглушенных тонах, продолжал читать вслух, но теперь, закончив, захлопнул книгу.

Р ё р л у н д. Что ж, любезные мои слушательницы, вот и все.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. До чего поучительная история!

Г о с п о ж а Х о л т. А уж какая нравоучительная!

Г о с п о ж а Б е р н и к. Такие книги впрямь заставляют задумываться.

Р ё р л у н д. О да, она составляет живительный контраст всему, что мы видим в газетах и журналах. Золоченый, нарядный фасад, которым завлекает нас *большой мир*, – что за ним кроется? Гниение и разложение, вынужден я сказать. Отсутствие моральных опор. Одним словом, большой мир сегодня – это гробы повапленные.

Г о с п о ж а Х о л т. Да, правда; так оно и есть.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Достаточно взглянуть на команду американского судна, которое у нас в ремонте.

Р ё р л у н д. Об этих отбросах человечества я и говорить не хочу. Но даже в высших кругах – как обстоит дело у них там? Все подвергается сомнению, везде брожение и суэта, ни мира в душе, ни крепости в отношениях. Разве не подорваны там устои семьи? Разве безудержное стремление все перестроить не взяло верх над истинными ценностями?

Д и н а (*не поднимая глаз*). Но ведь там много и великих свершений, верно?

Р ё р л у н д. Великих свершений? Я не совсем понял...

Г о с п о ж а Х о л т (*удивленно*). Господи, Дина, но...

Г о с п о ж а Р у м м е л ь (*одновременно с госпожой Холт*). Дина, как ты можешь?..

Р ё р л у н д. Не думаю, что подобного рода *свершения* оздоровят наше общество. Нет, мы должны благодарить Бога, что живем так, как живем. И у нас тут, к несчастью, среди пшеницы растут плевелы, но мы честно стараемся их выпалывать. Надо стремиться, милые дамы, хранить наше общество в чистоте, отвергая все не испытанное временем, что наш нетерпеливый век норовит нам навязать.

Г о с п о ж а Х о л т. А этого ох немало, к сожалению.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Страшно подумать, если б нам в прошлом году провели сюда железную дорогу...

Г о с п о ж а Б е р н и к. Карстен сумел тогда это предотвратить.

Р ё р л у н д. Провидение, госпожа Берник. Будьте уверены, сам Всевышний действовал через вашего мужа, когда он не дал завлечь себя эдаким новшеством.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Но сколько гадостей написали о нем газеты! Однако ж, господин учитель, мы совсем забыли поблагодарить вас. Как любезно с вашей стороны тратить на нас столько времени.

Р ё р л у н д. Ну что вы, сейчас каникулы, и...

Г о с п о ж а Б е р н и к. И все же это жертва, господин учитель.

Р ё р л у н д (*передвигает свой стул поближе*). Никогда так не говорите, сударыня. А разве вы все не идете на жертвы ради благого дела? Добровольно взваливаете на себя эти бремена и носите их радостно и охотно? Нравственно испорченные личности, во исправление коих мы работаем, суть те же раненые солдаты на поле брани. А вы, сударыни, подлинные диакониссы, сестры милосердия, что щиплют корпию для несчастных увечных, промывают и перевязывают их раны, обихаживают и лечат их.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Вот ведь дает Бог избранным этот дар – видеть во всем только прекрасное!

Р ё р л у н д. По большей части это свойство врожденное, но многому можно и научиться. Важно лишь смотреть на все сквозь призму главного дела своей жизни. (*Обраща-*

ется к Марте.) Вот вы, сударыня, что скажете? Вы ведь почувствовали, избрав служение в школьном образовании, что словно бы обрели прочную опору в жизни?

М а р т а. Ох, не знаю, что и сказать. Частенько, войдя в класс, я мечтаю оказаться далеко в бурном море.

Р ё р л у н д. Эти терзания суть искушения, любезная сударыня. И перед такими гостями – возмутителями спокойствия надлежит закрывать дверь. Бурное море – ясно, вы не имели в виду настоящее море, но вздымающуюся волнами жизнь общества, где столь многие идут ко дну. Но так ли притягательна для вас жизнь, что шумит и горланит за окнами? Выгляните на улицу. Потные люди бредут по солнцепеку по своим мелочным делишкам. Нет уж, лучше, как мы, сидеть в прохладе спиной к этому рассаднику вечных тревог.

М а р т а. Господи Боже мой, вы совершенно правы...

Р ё р л у н д. И в таком доме, как этот, – хорошем, чистом, где семейная жизнь явлена в самом своем привлекательном и прекрасном виде, где царят мир и понимание... (*Госпоже Берник.*) К чему вы прислушиваетесь, сударыня?

Г о с п о ж а Б е р н и к (*обернувшись к ближайшей левой двери*). Очень они расшумелись.

Р ё р л у н д. Там что-то странное происходит, нет?

Г о с п о ж а Б е р н и к. Я не знаю, просто слышу, что у мужа посетители.

Хилмар Тённесен с сигарой во рту входит в правую дверь и замирает при виде дам.

Т ё н н е с е н. Ой, прошу прощения... (*Пятится.*)

Г о с п о ж а Б е р н и к. Нет, Хилмар, входи, входи, ты не мешаешь. Ты что-то хотел?

Т ё н н е с е н. Да нет, просто заглянул. Доброе утро, милые дамы. (*Госпоже Берник.*) И чем дело кончилось?

Г о с п о ж а Б е р н и к. Какое дело?

Т ё н н е с е н. Берник протрубил общий сбор.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Правда? По какому поводу?

Т ё н н е с е н. Да опять та же ерунда. Железная дорога.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Что вы, не может быть!

Г о с п о ж а Б е р н и к. Бедный Карстен, мало ему неприятностей, так опять...

Р ё р л у н д. Как нам это понимать, господин Тённесен? Консул Берник в прошлом году ясно дал понять, что он против железной дороги.

Т ё н н е с е н. Я и сам так думал, но вот повстречал поверенного Крапа, и он сказал, что вновь идет речь о строительстве железной дороги и что консул и три наших городских магната сейчас это обсуждают.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. То-то мне показалось, я слышу голос Руммеля.

Т ё н н е с е н. Еще бы. Под ружье, понятно, поставили Руммеля, Санстада-с-горы и Миккеля Вигеланна, они его зовут «Святоша-Миккель».

Р ё р л у н д. Хм...

Т ё н н е с е н. Прошу прощения, господин учитель.

Г о с п о ж а Б е р н и к. А все было так тихо, мирно...

Т ё н н е с е н. Даже слишком. Так что я лично не против, чтобы снова началась заваруха. Хоть какое развлечение.

Р ё р л у н д. Мне кажется, без таких развлечений можно обойтись.

Т ё н н е с е н. Это уж кто как устроен. Некоторым людям время от времени нужно для встряски побужить. А жизнь в маленьком городе мало что может им предложить, и трудно рассчитывать... (*Листает книгу Рёрлунда.*) «Женщина – служанка общества». Это что за чушь?

Г о с п о ж а Б е р н и к. Господи, Хилмар, разве можно так говорить? Ты эту книгу наверняка не читал.

Тённесен. Не читал и читать не собираюсь.

Госпожа Берник. Ты себя неважно чувствуешь, да?

Тённесен. Да, неважно.

Госпожа Берник. Ты плохо спал ночью?

Тённесен. Плохо не то слово. Вчера вечером моя болезнь выгнала меня на прогулку, я зашел в клуб и взялся там читать отчет полярной экспедиции. Как все же укрепляет дух и волю, когда наблюдаешь за человеком в его борьбе со стихиями.

Госпожа Руммель. Но вам это, выходит, на пользу не пошло, господин Тённесен.

Тённесен. Нет, мне это вышло боком. Я всю ночь ворочался в полудреме, и мне снилось, что меня преследует огромный морж.

Улаф (*появляется на террасе*). За тобой гнался морж, дядя?

Тённесен. Мне это приснилось, балбес! А ты все играешь с потешным луком? Уж завел бы себе настоящее ружье что ли...

Улаф. Да я бы мечтал, но...

Тённесен. В таком ружье хоть смысл есть. К тому же стрелять всегда волнительно.

Улаф. Ух, я бы медведя застрелил! Но нет, дядя, отец не позволяет.

Госпожа Берник. Хилмар, в самом деле, не забивай ему голову глупостями.

Тённесен. Ну и поколение подрастает, Бог мой! Все помешаны на спорте, но спорт – чистое баловство, а вот стремления закалить себя, мужественно встретить опасность лицом к лицу у молодых нет и в помине. И не тычь ты в мою сторону луком, дурень, он может выстрелить.

Улаф. Не может, дядя, стрелы нет.

Тённесен. Наверняка знать никогда нельзя, а вдруг в нем все-таки есть стрела? Убери его, я сказал! Черт, и чего ты давным-давно не сбежал в Америку на каком-нибудь папашинем корабле? Посмотрел бы на охоту на бизонов или сразился с краснокожими.

Госпожа Берник. Хилмар, право...

Улаф. Я бы с удовольствием, дядя. Тем более вдруг я там встречу дядю Юхана и тетю Лону.

Тённесен. Хм... не болтай.

Госпожа Берник. Улаф, шел бы ты лучше в сад.

Улаф. Мама, а на улицу мне можно?

Госпожа Берник. Можно, но недалеко, запомни, наконец.

Улаф выбегает за калитку.

Рёрлунд. Господин Тённесен, негоже забивать ребенку голову такими глупостями.

Тённесен. Конечно, зачем? Пусть растет домоседом, за порог ни-ни. Тут таких много.

Рёрлунд. Что ж вы сами не уезжаете, однако?

Тённесен. Я? С моей болезнью? Ну да, здесь в городе ее в расчет не принимают... Но у человека есть еще и обязательства перед обществом, в котором он живет. Должен здесь оставаться хоть один, кто несет идеалы высоко, как знамя? Господи, опять он вопит. Уф-уф-уф...

Дамы. Кто вопит?

Тённесен. Я не знаю. Но они так громко разговаривают в кабинете, я нервничаю.

Госпожа Руммель. Кажется, это мой муж. Он привык, господин Тённесен, выступать при большом стечении народа...

Рёрлунд. Остальные тоже не шепотом разговаривают, как я слышу.

Тённесен. Бог мой, речь-то о деньгах. В этом городе все обсуждения упираются в мелочные денежные соображения. Уф-уф-уф...

Г о с п о ж а Б е р н и к. Это все же лучше, чем как раньше, когда все заканчивалось развлечениями.

Г о с п о ж а Л ю н г е. Неужели все было так плохо?

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. О да, госпожа Люнге, уж поверьте. Ваше счастье, что вы не жили здесь тогда.

Г о с п о ж а Х о л т. Тут все-все изменилось. Как вспомню свою юность...

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Да даже лет четырнадцать-пятнадцать назад... Господи помилуй, что за жизнь была! И бальное товарищество, и музыкальное...

М а р т а. И театральное. Я его отлично помню.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Да, да, как раз там ставили вашу пьесу, господин Тённесен.

Т ё н н е с е н *(отходит в глубь сцены)*. Что?!

Р ё р л у н д. Пьесу студента Тённесена?

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Да, это было задолго до вашего появления здесь, господин учитель. Пьесу давали только один раз.

Г о с п о ж а Л ю н г е. Госпожа Руммель, вы мне про эту пьесу рассказывали, что играли в ней любовницу?

Г о с п о ж а Р у м м е л ь *(косится на учителя)*. Я? Что-то запомнила, госпожа Люнге. Зато отлично помню, как во всех домах беспрерывно устраивали званые приемы.

Г о с п о ж а Х о л т. Богом клянусь, я знаю дома, где давали по два обеда в неделю.

Г о с п о ж а Л ю н г е. И был еще передвижной театр, слышала я.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. О, это был сущий ужас!

Г о с п о ж а Х о л т *(нервно покашливает)*. Хм, хм.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Актеры? Нет, вот этого я не помню.

Г о с п о ж а Л ю н г е. Говорят, они вели себя не приведи Бог. А в чем там дело было?

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. На самом деле и говорить не о чем, госпожа Люнге.

Г о с п о ж а Х о л т. Дина, милочка, передай мне ту сорочку.

Г о с п о ж а Б е р н и к *(в один голос с ней)*. Дина, дорогая, сходи попроси Катрину подать нам кофе.

М а р т а. Я схожу с тобой, Дина.

Дина и Марта выходят в ближайшую к нам дверь справа.

Г о с п о ж а Б е р н и к *(вставая)*. Милые дамы, я отлучусь на минутку. Кофе мы, пожалуй, выпьем на террасе.

Выходит на террасу и накрывает на стол. Учитель, стоя в дверях, ведет с ней беседу. Тённесен сидит тут же, курит.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь *(тихо)*. Госпожа Люнге, как вы меня напугали, Бог мой.

Г о с п о ж а Л ю н г е. Я?

Г о с п о ж а Х о л т. По правде говоря, госпожа Руммель, вы сами начали.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Я? Как вы можете такое говорить, госпожа Холт? Я ни словечка не проронила.

Г о с п о ж а Л ю н г е. Но в чем дело?

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Как вы могли завести беседу о... Неужто вы не видели, что Дина здесь?

Г о с п о ж а Л ю н г е. Дина? Боже мой, неужели она как-то?..

Г о с п о ж а Х о л т. И в этом доме?! Разве вы не знаете, что как раз брат госпожи Берник...

Г о с п о ж а Л ю н г е. Брат? Я ничего не знаю, мы здесь совсем недавно.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. И вы не слышали, что... (*Дочери.*) Пойди погуляй в саду, Хильда.

Г о с п о ж а Х о л т. И ты тоже, Нетта. И будьте полюбезнее с бедняжкой Диной.

Фрёкен Руммель и фрёкен Холт спускаются в сад.

Г о с п о ж а Л ю н г е. Так что случилось с братом госпожи Берник?

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Вы не знаете, что героем той скверной истории как раз он и был?

Г о с п о ж а Л ю н г е. Студент Тённесен был героем скверной истории?

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Да нет же, госпожа Люнге. Студент ей кузен, а я говорю о брате.

Г о с п о ж а Х о л т. О пропащем Тённесе́не.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Его звали Юхан. Он сбежал в Америку.

Г о с п о ж а Х о л т. Вынужден был бежать, как вы поняли.

Г о с п о ж а Л ю н г е. И он был замешан в скверной истории?

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Да, там вышла такая... как бы это сказать... такая история с матерью Дины. О, я помню все как сейчас. Юхан Тённесен служил тогда в конторе старой госпожи Берник, а Карстен Берник только вернулся из Парижа, он еще не был помолвлен...

Г о с п о ж а Л ю н г е. Но что за скверная история?

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Видите ли, в ту зиму здесь играл Передвижной театр Мёллера...

Г о с п о ж а Х о л т. А в нем выступали актер Дорф и его жена. И все молодые люди сходили по ней с ума.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Одному Богу известно, что они находили прекрасного в этой дамочке. Но однажды вечером актер Дорф вернулся домой...

Г о с п о ж а Х о л т. Когда его никто не ждал...

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. И увидел... нет, это невозможно рассказать...

Г о с п о ж а Х о л т. Ничего он не увидел, госпожа Руммель. Дверь была заперта изнутри.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Я так и говорю – он увидел, что дверь заперта изнутри. А дальше, сами понимаете: тому, кто был в доме, пришлось прыгнуть в окно.

Г о с п о ж а Х о л т. В окно мезонина, с эдакой высоты!

Г о с п о ж а Л ю н г е. И это был брат госпожи Берник?

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Именно что.

Г о с п о ж а Л ю н г е. И он потом сбежал в Америку?

Г о с п о ж а Х о л т. Вынужден был бежать, как вы поняли.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. А позже выяснилось и другое обстоятельство, едва не столь же неприглядное. Представляете, он покусился на кассу фирмы...

Г о с п о ж а Х о л т. Этого мы не знаем наверняка, госпожа Руммель. Может, это просто слухи.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Скажете тоже... Да об этом весь город знал! Старуху Берник та история чуть не разорила. Мне сам Руммель рассказывал! Все, все, Господи, удержи мой язык от злословия.

Г о с п о ж а Х о л т. В любом случае на мадам Дорф эти деньги не пошли, потому что она...

Г о с п о ж а Л ю н г е. Да, как родители Дины жили дальше?

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Дорф бросил жену, ребенка и уехал. А у мадам хватило наглости остаться в городе еще на целый год. Выступать в театре она все же не решилась, жила стиркой и шитьем на чужих людей.

Г о с п о ж а Х о л т. Еще открыла школу танцев.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Из этого ничего не вышло, понятное дело. Какой родитель доверит ребенка такой особе? Но протянула она недолго. К работе наша красотка была непривычна, занемогла легкими и умерла.

Г о с п о ж а Л ю н г е. Действительно, прескверная история!

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Берникам нелегко было ее пережить, сами понимаете. Это темное пятно на солнце их счастья, как сказал однажды Руммель. Так что никогда не поминайте эту историю здесь в доме, госпожа Люнге.

Г о с п о ж а Х о л т. И Бога ради, ни слова о сводной сестре!

Г о с п о ж а Л ю н г е. Да, ведь у госпожи Берник есть еще и сводная сестра?

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. По счастью, можно сказать «была», потому что сейчас они отношений не поддерживают. Да уж, еще та дамочка! Вообразите, она остригла волосы и носила в дождь мужские сапоги.

Г о с п о ж а Х о л т. А когда сводный брат – тот самый, пропащий, – сбежал, взбодуражив, конечно, весь город, угадайте, что она сделала? Поехала к нему!

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. А какой скандал она учинила перед отъездом, госпожа Холт!

Г о с п о ж а Х о л т. Тише! Ни слова об этом!

Г о с п о ж а Л ю н г е. Господи, она еще и скандал учинила?

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Дело было так, госпожа Люнге. Берник аккурат тогда обручился с Бетти Тённесен, и вот он заходит об руку с ней в дом ее тетушки, чтобы сообщить о помолвке...

Г о с п о ж а Х о л т. Тённесены росли без родителей, надо вам знать.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. ...И тут Лона Хессель встает со стула и с размаху отвешивает элегантному образованному Карстену Бернику звонкую пощечину.

Г о с п о ж а Л ю н г е. Ой! В жизни ничего...

Г о с п о ж а Х о л т. Да, так и было.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. А потом собирает чемодан и уезжает в Америку.

Г о с п о ж а Л ю н г е. Должно быть, она сама имела на него виды?

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Еще бы! Вы правы – когда он приехал из Парижа, Лона взяла в голову, что они будут парой.

Г о с п о ж а Х о л т. Не представляю, как она могла всерьез верить, что Берник, такой галантный, такой светский, истинный кавалер, любимец всех дам...

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. И при том сама благопристойность и строжайшая мораль, госпожа Холт.

Г о с п о ж а Л ю н г е. И чем занялась в Америке эта Лона Хессель?

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Сие, как сказал однажды Руммель, покрыто завесой, которую вряд ли стоит поднимать.

Г о с п о ж а Л ю н г е. Что это значит?

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Видите ли, она не поддерживает никаких связей с семьей. Но всему городу известно, что она, например, пела там по гостиницам за деньги...

Г о с п о ж а Х о л т. И читала публичные лекции...

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Издала совершенно безумную книгу...

Г о с п о ж а Л ю н г е. Что вы говорите?!

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Да, Лона Хессель для их семьи тоже, конечно, пятно на солнце их счастья... Но теперь вы знаете, что к чему, госпожа Люнге. Видит Бог, я рассказываю, только чтобы предостеречь вас.

Г о с п о ж а Л ю н г е. Я так и поняла, не волнуйтесь. Но бедняжка Дина! Сердце за нее болит.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Для нее как раз это было счастьем. Представьте себе, осталась бы она в руках таких родителей. Разумеется, мы всем обществом стали заботиться о ней, наставлять по мере сил, а позже хлопотами Марты Берник ее забрали в этот дом.

Г о с п о ж а Х о л т. Она всегда была трудным ребенком. Еще бы – дурной пример перед глазами. Дина не то что наши дети, в ней надо лаской укоренять добро, госпожа Люнге.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Тише, она идет. *(Громко.)* Да, наша Дина – большая умница. Ой, Дина, ты тут? А мы шитье разбираем...

Г о с п о ж а Х о л т. Дина, как чудесно пахнет твой кофе! Чашечка такого кофе перед обедом...

Г о с п о ж а Б е р н и к *(с террасы)*. Прошу к столу, милые дамы!

Тем временем Марта и Дина помогли горничной накрыть стол для кофе. Дамы рассаживаются вокруг стола на террасе, все они преувеличенно любезны с Диной. Она вскоре возвращается в залу к своему шитью.

Г о с п о ж а Б е р н и к *(с террасы)*. Дина, а ты не будешь?..

Д и н а. Спасибо, не хочется.

Она усаживается за шитье. Госпожа Берник и Рёрлунд перекидываются несколькими словами, вслед за чем он тоже переходит в залу.

Р ё р л у н д *(делая вид, что ищет что-то на столе, вполголоса обращается к Дине)*. Дина!

Д и н а. Да.

Р ё р л у н д. Почему вы ушли с террасы?

Д и н а. Когда я принесла кофе, то увидела по этой новой даме, что они говорили обо мне.

Р ё р л у н д. А как любезна она была с вами, вы уже не увидели?

Д и н а. Терпеть такого не могу!

Р ё р л у н д. У вас непокорный дух, Дина.

Д и н а. Да.

Р ё р л у н д. Но почему, Дина?

Д и н а. Такая уж уродилась.

Р ё р л у н д. Почему бы вам не попробовать быть не такой?

Д и н а. Нет.

Р ё р л у н д. Почему нет?

Д и н а *(глядя на него)*. Я из нравственно испорченных.

Р ё р л у н д. Фу, Дина!

Д и н а. И мать моя была нравственно испорченная.

Р ё р л у н д. Кто-то разговаривал с вами об этом?

Д и н а. Никто. Они никогда об этом не говорят. Ну почему они все молчат? И обращаются со мной как со стеклянной вазой, точно я могу разбиться. О, как я ненавижу это их доброхотство!

Р ё р л у н д. Милая Дина, я понимаю, вам кажется, на вас здесь давят, но...

Д и н а. Вот бы я могла уехать отсюда! Мне кажется, я бы сумела сама добиться в жизни чего-нибудь, если бы не жила среди людей, которые так... так...

Р ё р л у н д. Так что?

Д и н а. Так морально безупречны и благопристойны.

Р ё р л у н д. Дина, вы так не думаете.

Д и н а. О, вы хорошо понимаете, что я имею в виду. Каждый день сюда приводят Хильду и Нетту, чтобы у меня был пример для подражания. Я никогда не стану такой образцово-приличной, как они. И не хочу становиться. Эх, окажись я далеко отсюда, из меня бы вышел толк.

Р ё р л у н д. Дина, дорогая, вы и так толковая.

Д и н а. Но какой мне здесь от этого прок?

Р ё р л у н д. Значит, уехать? Вы всерьез думаете об этом?

Д и н а. Я не осталась бы здесь ни дня, не будь вас.

Р ё р л у н д. Скажите мне, Дина, почему вы так любите мое общество?

Д и н а. Потому что вы учите меня прекрасному.

Р ё р л у н д. Прекрасному? Вы называете то, чему я вас учу, прекрасным?

Д и н а. Да. Вернее, вы ничему такому меня не учите, но, слушая, как вы рассказываете, я воображаю всё прекрасное.

Р ё р л у н д. Но все же: прекрасное – это для вас что?

Д и н а. Об этом я никогда не думала.

Р ё р л у н д. Подумайте сейчас. Что вы называете прекрасным?

Д и н а. Прекрасное – это что-то великое и далекое.

Р ё р л у н д. Хм... Дорогая Дина, я искренне беспокоюсь о вас.

Д и н а. И только?

Р ё р л у н д. Вы отлично знаете, что бесконечно дороги мне.

Д и н а. Будь я Хильда или Нетта, вы не опасались бы, что кто-то это заметит.

Р ё р л у н д. Ах, Дина, приходится принимать во внимание тысячу разных соображений, но едва ли вы в состоянии судить о них... Когда человек поставлен служить моральной опорой, нравственным столпом общества, в котором он живет, никакая осторожность не чрезмерна. Будь я уверен, что мои побудительные мотивы истолкуют верно... Ну да все едино. Вам нужна поддержка, и вас поддержат. Дина, вы готовы дать мне слово, что когда я приду и скажу – когда обстоятельства позволят мне прийти и сказать: «Вот вам моя рука», то вы примете мое предложение и станете моей женой? Вы обещаете мне, Дина?

Д и н а. Да.

Р ё р л у н д. Спасибо, спасибо, ведь и мне со своей стороны... Ах, Дина, вы так мне нравитесь... Тише, кто-то идет! Дина, ради меня, ступайте на террасу.

Пересаживается за кофейный стол. В ту же минуту из ближайшей левой комнаты выходят Руммель, Санстад и Вигеланн, последним появляется Берник со стопкой бумаг в руках.

Б е р н и к. Значит, – решено!

В и г е л а н н. Да будет так. Во славу Божию.

Р у м м е л ь. Решено, Берник! Слово норвежца крепко и твердо, как Доврские горы.

Б е р н и к. И никто не предаст, не отступится, какое бы мы ни встретили сопротивление?

Р у м м е л ь. Один за всех, и все за одного, Берник! Мы с тобой до конца!

Т ё н н е с е н *(входит в дверь с террасы)*. До конца? Прошу прощения, господа, это железной дороге конец?

Б е р н и к. Напротив – начало...

Р у м м е л ь. Она мчит вперед на всех парах, господин Тённесен.

Т ё н н е с е н *(подходит ближе)*. Да?

Р ё р л у н д. Это как понять?

Г о с п о ж а Б е р н и к *(в дверях на террасу)*. Берник, дорогой, что происходит?

Б е р н и к. Дорогая, вот тебя как это может интересовать? *(Троим мужчинам.)* Так, теперь надо разобраться с подписными листами, чем быстрее, тем лучше. Естественно, пер-

выми поставим свои подписи мы четверо. Положение, которое мы сегодня занимаем в обществе, обязывает нас выложиться полностью.

С а н с т а д. Разумеется, господин консул.

Р у м м е л ь. Все получится, Берник, вот те крест.

Б е р н и к. Я нисколько не сомневаюсь в исходе. Но каждый из нас должен привлечь свой круг знакомых. Когда мы покажем, что все сословия живо поддерживают проект, город, естественно, вынужден будет вложить свою часть.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Карстен, ты должен наконец выйти к нам и рассказать...

Б е р н и к. Дорогая Бетти, это дело никак не предполагает участия в нем дам.

Т ё н н е с е н. Ты все-таки действительно хочешь заняться железной дорогой?

Б е р н и к. Конечно.

Р ё р л у н д. Но ведь в прошлом году, господин консул?..

Б е р н и к. В прошлом году дело выглядело совершенно иначе. Тогда речь шла о приморской ветке...

В и г е л а н н. Что было бы совершенно излишним, господин учитель, у нас там ходят свои пароходы.

С а н с т а д. Мы бы вбухали туда уйму денег...

Р у м м е л ь. А кровные интересы города пострадали бы.

Б е р н и к. Главная причина была в том, что обществу в целом приморская дорога не принесла бы пользы, поэтому я выступил против. И теперь принято решение о прокладке дороги через внутренние районы.

Т ё н н е с е н. Но она же не зайдет в окрестные города.

Б е р н и к. Зато зайдет к нам, мой милый Хилмар, потому что сюда придет одноколейная боковая ветка.

Т ё н н е с е н. Уу, новая выдумка.

Р у м м е л ь. Разве это выдумка не блистательная, а? Скажите?

Р ё р л у н д. Хм...

В и г е л а н н. Причем нельзя отрицать, что Провидение создало здесь ландшафт словно специально для местной железнодорожной ветки.

Р ё р л у н д. Вы серьезно, господин Вигеланн?

Б е р н и к. Да, признаться, я тоже вижу Промысел Божий в том, что весной, разезжая по делам, волей случая завернул в долину, где прежде никогда не бывал. И меня молнией поразила мысль – вот здесь могла бы пройти железнодорожная ветка к нам. Я отправил инженера изучить местность, и вот передо мной отчет и предварительная смета – никаких препятствий такому плану.

Г о с п о ж а Б е р н и к *(по-прежнему стоя в дверях, теперь вместе с остальными дамами)*. Карстен, дорогой, и ты скрывал это от нас?!

Б е р н и к. Милая моя Бетти, все равно вы не сумели бы понять, что здесь к чему. Впрочем, до сегодняшнего дня я не говорил об этом ни одной живой душе. Но теперь настал решающий момент, пришла пора действовать открыто и напористо. И даже если мне придется отдать этому делу всю жизнь, я доведу его до ума.

Р у м м е л ь. Мы с тобой, Берник. Будь уверен!

Р ё р л у н д. Господа, вы и вправду возлагаете на это предприятие такие надежды?

Б е р н и к. Да, очень большие. Дорога потянет наше общество вверх как подъемный кран. Подумайте хотя бы об огромных лесных угодьях, они станут доступны, о залежах руды, можно начинать разработку, о реке, там же водопад на водопаде, – представляете, сколько заводов можно построить?

Р ё р л у н д. И вы не боитесь, что тесное общение с безнравственным внешним миром?..

Б е р н и к. Нет, не тревожьтесь, господин учитель. Сегодня наше маленькое трудолюбивое общество, слава Богу, покойно стоит на тверди строгой, крепкой нравственности. Мы сообща привели ее, дерзну сказать, в божеский вид и будем и дальше содержать в чистоте, каждый на своем месте. Вы, господин учитель, продолжите свою благословенную деятельность в школе и в домах. Мы, люди дела, укрепим опоры общества, поднимая достаток возможно большего числа горожан, а наши женщины – подойдите поближе, сударыни, эти слова вам стоит послушать – наши женщины, говорю я, наши жены и дочери... вам я желаю не встречать преград в вашем милосердном служении, продолжать его, но в первую очередь быть помощью и отрадой вашим близким, как служат мне опорой и отрадой мои Бетти, и Марта, и Улаф. *(Оглядывается по сторонам.)* А где Улаф, кстати?

Г о с п о ж а Б е р н и к. Сейчас каникулы, его дома не удержишь.

Б е р н и к. Наверняка опять торчит на берегу. Вот увидишь, он не уймется, пока дело не кончится бедой.

Т ё н н е с е н. Ба! Уж нельзя и поиграть с силами природы...

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Как прекрасно, господин Берник, что вы так привязаны к своей семье.

Б е р н и к. Что ж, семья – ядро общества. Хороший дом, верные и порядочные друзья, небольшой сплоченный круг и ни тени мятежных элементов...

Справа входит поверенный Крап с письмами и газетами.

К р а п. Зарубежная почта, господин консул, и телеграмма из Нью-Йорка.

Б е р н и к *(забирая почту)*. О, от владельцев «Индиан гёрл».

Р у м м е л ь. Пришла почта? Тогда я тоже должен откланяться.

В и г е л а н н. И я.

С а н с т а д. Прощайте, господин консул.

Б е р н и к. Прощайте, господа. И не забудьте – встречаемся вечером в пять.

Т р о е м у ж ч и н. Да, да, само собой.

Уходят направо.

Б е р н и к *(читая телеграмму)*. Ого! Чисто американская манера! Совершенно возмутительно!

Г о с п о ж а Б е р н и к. Господи, Карстен, что такое?

Б е р н и к. Взгляните на это, господин Крап. Читайте!

К р а п *(читает)*. «Ремонт самый малый; отправляйте «Индиан гёрл» как сможет держаться на плаву; хорошее время года; при аварии выплывут на грузе». Нет, я вам доложу...

Б е р н и к. Выплывут на грузе!! Да случись что, с таким грузом судно пойдет ко дну как камень, и эти господа отлично все понимают.

Р ё р л у н д. Да, вот пример нравов в хваленном большом мире.

Б е р н и к. Вы правы; стоит им почуять прибыль – всё, никакого почтения к самой человеческой жизни. *(Крапу.)* «Индиан гёрл» будет готова дней через четыре-пять?

К р а п. Да, если господин Вигеланн разрешит нам временно заморозить работы на «Пальме».

Б е р н и к. Хм. Он на это не пойдет. Так, вы тоже хотите просмотреть почту, да? Кстати, вы не видели на пристани Улафа?

К р а п. Нет, господин консул.

Уходит в первую комнату направо.

Б е р н и к *(перечитывая телеграмму)*. Эти господа без сомнений и колебаний ставят на кон жизнь восемнадцати людей.

Т ё н н е с е н. Ну, мореходы призваны покорять стихии; волнительно, должно быть, когда между тобой и бездной лишь тонкая дощечка...

Б е р н и к. Покажите мне хоть одного нашего судовладельца, кто пошел бы на такое. Никто, совершенно никто... *(Замечает Улафа.)* Слава Богу, жив.

У л а ф, с удочкой в руке, вбегает в калитку.

У л а ф *(все еще из сада)*. Дядя Хилмар, я был у моря и видел пароход.

Б е р н и к. Ты опять бегал на пристань?

У л а ф. Нет, я только на лодке покатался. Дядя Хилмар, представляешь, с корабля сошли циркачи-наездники с лошадьми и зверями и пассажиров туча!

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Так мы увидим цирковых наездников?! Правда?

Р ё р л у н д. Мы? Я думаю, нет.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Естественно, не мы, но...

Д и н а. Я бы с удовольствием посмотрела наездников.

У л а ф. И я тоже!

Т ё н н е с е н. Балбес ты. Нашел, на что смотреть. Дрессировка, и всё. Вот когда гаучо мчатся в пампасах на необъезженных мустангах!.. А в маленьких городках, прости Господи...

У л а ф *(теребит Марту)*. Тетя Марта, смотри, смотри, вон они!

Г о с п о ж а Х о л т. Господи, твоя воля, вон они.

Г о с п о ж а Л ю н г е. Скверные люди, уф-уф-уф...

Множество пассажиров и целая толпа горожан поднимаются вверх по улице.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Клоуны, одно слово. Взгляните вон на ту, госпожа Холм, в сером платье и с саквояжем за спиной.

Г о с п о ж а Х о л т. Да, смотрите, она тащит его на рукоятке от зонтика! Наверняка это мадам директорша.

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. А вот небось и сам директор, вон, вон, с бородой. Вид как у настоящего разбойника. Хильда, не смотри на него!

Г о с п о ж а Х о л т. И ты не смотри, Нетта!

У л а ф. Мама, директор с нами здоровается!

Б е р н и к. Что за?..

Г о с п о ж а Б е р н и к. Что ты говоришь, сынок?!

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Бог мой, его мадам тоже здоровается!

Б е р н и к. Нет, это слишком!

М а р т а *(невольно вскрикнув)*. Ах!

Г о с п о ж а Б е р н и к. Что случилось, Марта?

М а р т а. Нет, ничего, мне показалось вдруг, что...

У л а ф *(от радости кричит)*. Глядите, глядите, ведут лошадей и зверей! А вон американцы, глядите, американцы и все матросы с «Индиан гёрл»...

Слышно «Янки Дудл» в сопровождении кларнета и барабана.

Т ё н н е с е н *(зажимает уши)*. Уф-уф-уф!

Р ё р л у н д. Думаю, сударыни, нам лучше удалиться, это зрелище не для нас. Давайте вернемся к нашей работе.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Не стоит ли нам задернуть гардины?

Р ё р л у н д. Да, я именно это имел в виду.

Дамы занимают свои места за столом, учитель закрывает дверь в сад и задерживает гардины на двери и всех окнах; зала погружается в полумрак.

У л а ф (*выглядывает наружу*). Мама, а теперь директорша остановилась у колонки и умывается!

Г о с п о ж а Б е р н и к. Что? Посреди площади?!

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. И средь бела дня!

Т ё н н е с е н. Ну, если бы я путешествовал в пустыне и наткнулся на цистерну с водой, то тоже не стал бы церемониться... Уф, проклятый кларнет!

Р ё р л у н д. Здесь решительно требуется вмешательство полиции!

Б е р н и к. Да уж, хотя иностранцев нельзя судить строго, у этих людей нет тех укоренившихся представлений о благопристойности, которые удерживают нас в рамках приличий. Пусть бесчестят себя. Какое нам дело? Эти бесчинства, попирающие традиции, порядок и обычаи, по счастью, не имеют, смею сказать, ни малейшего отношения к нашему обществу... Что еще такое?

Незнакомая дама стремительно входит в правую дверь.

Д а м ы (*в ужасе, но тихо*). Циркачка! Мадам директорша!

Г о с п о ж а Б е р н и к. Господи, твоя воля!

М а р т а (*вскакивает*). Ах!

Д а м а. Здравствуй, дорогая Бетти! Добрый день, Марта! Добрый день, зять!

Г о с п о ж а Б е р н и к (*вскрикивает*). Лона!

Б е р н и к (*отступая на шаг*). Святой Боже!

Г о с п о ж а Х о л т. Господи помилуй...

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Не может быть...

Т ё н н е с е н. Уф! Уф!

Г о с п о ж а Б е р н и к. Лона! Неужели?..

Л о н а. Я ли это? Именно я, могу поклясться! Ну, бросайтесь мне на шею!!

Т ё н н е с е н. Уф! Уф!

Г о с п о ж а Б е р н и к. Ты приехала сюда с...

Б е р н и к. И собираешься выступить в...

Л о н а. Выступать? В каком смысле?

Б е р н и к. Ну, я имел в виду... с наездниками...

М а р т а. Ха-ха-ха! Ты рехнулся, зять? Ты думаешь, я из цирка? Я, конечно, чему только не научилась и выступала в самых дурацких ролях, но...

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Хм...

Л о н а. ...но трюков на лошади я не делала никогда.

Б е р н и к. То есть ты не...

Г о с п о ж а Б е р н и к. Спаси Господи!

Л о н а. Мы приехали как все приличные люди – правда, вторым классом, но к этому нам не привыкать.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Мы, ты сказала?

Б е р н и к (*подходит на шаг ближе*). Кто мы?

Л о н а. Я и мальчик, разумеется.

Д а м ы (*вскрикивают*). Мальчик!

Т ё н н е с е н. Чтоооо?

Р ё р л у н д. Ну, я вам доложу...

Г о с п о ж а Б е р н и к. Что ты имеешь в виду, Лона?

Л о н а. Джона, конечно же. Насколько я знаю, других детей у меня нет. То есть Юхана, как вы его называли.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Юхан!

Г о с п о ж а Р у м м е л ь (*тихо, госпоже Люнге*). Пропавший брат!

Б е р н и к (*мнетя*). Юхан тоже здесь?

Л о н а. Само собой. Я без него не езжу. Но что-то у вас скорбный вид. Вы сидите в темноте, шьете что-то белое... Никто из родни не умер?

Р ё р л у н д. Сударыня, здесь комитет призрения нравственно испорченных душ.

Л о н а (*полупрошептом*). Что вы говорите?! Все эти красивые модные дамы, они?..

Г о с п о ж а Р у м м е л ь. Ну, я вам скажу!..

Л о н а. Ой, поняла, поняла. Черт, это же госпожа Руммель. А там госпожа Холт, ого! Что-то мы все не стали моложе с последней встречи. Знаете что, люди добрые, пусть ваши нравственно испорченные греховодники подождут денек, хуже не станут. Такое радостное событие, как сегодня...

Р ё р л у н д. Возвращение домой не всегда радость.

Л о н а. Неужто? Так-то вы читаете вашу Библию, господин пастор?

Р ё р л у н д. Я не пастор.

Л о н а. Так наверняка станете им. Фу! Ваше нравственное шитье часом не испорчено? Вонь, как от савана. А я в прериях привыкла к чистому воздуху, так и знайте.

Б е р н и к (*утирает лоб*). Да, тут правда душно и тошно.

Л о н а. Погоди, погоди, ну-ка сейчас мы выберемся из этой гробницы... (*Раздвигает занавески*.) К его приходу здесь должен быть яркий свет! Увидите мальчика отмывшимся, во всем блеске...

Т ё н н е с е н. Уф?

Л о н а (*открывает дверь и окна*). В смысле: увидите, как только ему удастся отмыться. Он надеялся ополоснуться в гостинице, а то на пароходе изгваздался, как поросенок.

Т ё н н е с е н. Уф!

Л о н а. Уф? Это ведь не?... (*Показывая на Хилмара, обращается к остальным*.) Он так тут и болтается? По-прежнему все «уф» да «уф»?

Т ё н н е с е н. Я не болтаюсь, я обретаюсь здесь ввиду своей болезни.

Р ё р л у н д. Хм, дорогие дамы, я не думаю...

Л о н а (*заметив Улафа*). Бетти, это твой? Дай пять, парень! Или ты боишься своей старой страшной тетки?

Р ё р л у н д (*засовывая книгу под мышку*). Сударыни, я не думаю, что сегодня нам удобно продолжать. Но мы увидимся завтра.

Л о н а (*гостьям, которые встают, собираясь уходить*). Так и сделаем. Я приду вовремя.

Р ё р л у н д. Вы? Прошу прощения, сударыня, что вы собираетесь делать в нашем комитете?

Л о н а. Проветрить его, господин пастор.

Действие второе

Зала в доме консула Берника.

Г о с п о ж а Б е р н и к в одиночестве работает над своим шитьем. Чуть погодя справа входит консул Берник в шляпе и перчатках, с тростью в руке.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Карстен, ты уже вернулся?

Б е р н и к. Да, у меня здесь встреча назначена.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Юхан наверняка снова сегодня придет.

Б е р н и к. Я жду одного человека. *(Снимает шляпу.)* А куда подевались нынче все дамы?

Г о с п о ж а Б е р н и к. Госпожа Руммель с Хильдой заняты.

Б е р н и к. Неужели? Прислали сказать, что не смогут?

Г о с п о ж а Б е р н и к. Да, у них слишком много дел по дому.

Б е р н и к. Понятно. Остальные тоже, конечно, не придут?

Г о с п о ж а Б е р н и к. Да, они сегодня тоже не смогли.

Б е р н и к. Так я и думал. А где Улаф?

Г о с п о ж а Б е р н и к. Я разрешила ему прогуляться с Диной.

Б е р н и к. Эта Дина – вертихвостка безмозглая. Вчера прямо с места в карьер взялась любезничать с Юханом...

Г о с п о ж а Б е р н и к. Карстен, дорогой, но Дина ведь не знает, что...

Б е р н и к. А Юхан? Мог бы проявить хоть немного такта и не выказывать ей столько внимания. Я видел, какими глазами таращился на них Вигеланн.

Г о с п о ж а Б е р н и к *(с шитьем на коленях)*. Карстен, ты можешь понять, что им тут нужно?

Б е р н и к. Хм... У него там ферма, но дела идут не очень. Вчера она упирала на то, что им приходится ездить вторым классом...

Г о с п о ж а Б е р н и к. Да, похоже, что так, к сожалению. Но как она посмела приехать? Она! Так страшно оскорбила тебя, а теперь...

Б е р н и к. Брось, забудь ты эти старые истории.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Да как? Я сегодня только о том и думаю. Он же мне брат... я тревожусь... не о нем, а что его приезд поставит тебя в неловкое положение. Карстен, я смертельно боюсь, что...

Б е р н и к. Боишься чего?

Г о с п о ж а Б е р н и к. А его не посадят за те деньги, что пропали тогда у твоей матери?

Б е р н и к. Ну что за чепуха! Кто может доказать, что деньги тогда пропали?

Г о с п о ж а Б е р н и к. Господи, об этом весь город знает, к несчастью. Ты сам говорил...

Б е р н и к. Я ничего не говорил. Город ничего о той истории не знает, это были пустые слухи и ничего больше.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Карстен, сколько же в тебе благородства!

Б е р н и к. Выкинь из головы эти бредни, я сказал. Ты не понимаешь, что мучаешь меня, копаясь во всем этом? *(Мечется по комнате, потом швыряет свою трость.)* И вот ведь принесла их нелегкая именно сейчас, когда мне так важно ничем не омраченное, ровное и доброе отношение ко мне города и прессы. А теперь газеты по всей округе начнут смаковать подробности. Как я их ни встречу, хоть тепло, хоть холодно, все истолкуют против меня. Примутся копаться в прошлом... ровно как ты. В таком обществе, как наше... *(Швыряет перчатки на стол.)* И ни одного человека рядом, с кем я мог бы поговорить, на кого опереться...

Г о с п о ж а Б е р н и к. Совсем ни одного, Карстен?

Б е р н и к. Ни одного. А кто? И почему все это на мою голову ровно сейчас?! Не сомневаюсь, они мечтают устроить скандал, хоть так, хоть эдак, – она особенно. Вот ведь наказание, быть в родстве с такими людишками!

Г о с п о ж а Б е р н и к. Я ничего не могу поделать с тем...

Б е р н и к. С чем ты ничего не можешь поделать? С родством между вами? Что верно, то верно!

Г о с п о ж а Б е р н и к. Я их не зазывала вернуться домой.

Б е р н и к. Ну наконец, завела свою шарманку! Я их не зазывала, приглашения не посылала, за волосы сюда не тащила... уже оскотину набило.

Г о с п о ж а Б е р н и к *(разражается рыданиями)*. Какой ты к тому же недобрый...

Б е р н и к. Вот это правда. А ты еще порыдай, порыдай, а то городу пока мало, о чем посудачить, надо больше. Бетти, довольно глупить. И пересядь на террасу, сюда могут войти. Или народу обязательно видеть госпожу Берник с заплаканными глазами? То-то будет славно, когда разойдется об этом слух... Вроде шум в прихожей? *(В дверь стучат.)* Войдите!

Госпожа Берник уходит со своим шитьем на террасу. Справа входит корабельный мастер Ауне.

А у н е. Здравствуйте, господин консул.

Б е р н и к. Здравствуйте. Вы, верно, догадываетесь, чего я от вас хочу?

А у н е. Поверенный говорил мне, что вы вроде бы недовольны тем...

Б е р н и к. Я недоволен всей работой верфи, Ауне. Вы не справляетесь с аварийными судами. «Пальма» должна быть на ходу давным-давно. Господин Вигеланн каждый день вынимает из меня душу, с ним трудно иметь дело как с совладельцем корабля.

А у н е. «Пальма» может выйти в море послезавтра.

Б е р н и к. Наконец-то. А этот американец, «Индиан гёрл», стоит у нас уже пять недель...

А у н е. Американец? Я понял так, что сперва надо приналечь на вашу «Пальму».

Б е р н и к. Я не давал вам оснований думать так. Американца тоже надо было привести в порядок как можно быстрее, но вы этого не делаете.

А у н е. Там беда, господин консул, днище все прогнило. Чем больше латаем, тем хуже, расплзается все.

Б е р н и к. Беда совершенно в другом. Господин Крап объяснил мне правду. Вы не умеете работать с новыми машинами, которые я закупил, – вернее, не желаете работать с ними.

А у н е. Господин консул, мне уже за пятьдесят, и как меня сызмальства выучили, так я и работаю...

Б е р н и к. Сегодня так уже не работают. И не думайте, Ауне, что меня гложет алчность. К счастью, мне не приходится думать только о наживе, я хочу служить обществу, в котором живу, и фирме, которую возглавляю. Только я могу внедрить здесь прогресс, иначе он не придет сюда никогда.

А у н е. Я тоже за прогресс, господин консул.

Б е р н и к. Да, но вам нужен прогресс не для всех, а только для одного сословия, для рабочих. Я знаком с вашей агитацией. Вы произносите речи, подстрекаете народ, но вот появляется настоящая техническая новинка, бери и пользуйся, а нет, тут вы в кусты, вы боитесь.

А у н е. Я и правда боюсь, господин консул, и не за себя только, но за многих, у кого машины отнимают кусок хлеба. Вот вы, господин консул, призываете служить обществу, а я думаю, что ведь и у общества должны быть обязательства перед людьми. Как смеют наука и капитал запускать в работу новые изобретения раньше, чем выучат людей управляться с ними?

Б е р н и к. Ауне, вы слишком много читаете и думаете, это вам не на пользу, и только подогревает в вас недовольство вашим положением.

А у н е. Дело не в том, господин консул. Не могу я видеть, как увольняют одного отличного работника за другим, и они остаются без куска хлеба из-за этих машин.

Б е р н и к. Хм, когда изобрели печатный станок, многие переписчики остались без куска хлеба.

А у н е. Господин консул, служи вы в то время переписчиком, небось тоже бы станки невзлюбили.

Б е р н и к. Я позвал вас не для диспутов, а чтобы сказать – аварийный американец «Индиан гёрл» должен послезавтра выйти в море.

А у н е. Но господин консул...

Б е р н и к. Слышите – послезавтра! Одновременно с нашим судном и ни часом позже. У меня есть серьезные основания подгонять вас с этим делом. Вы читали утреннюю газету? Так вы знаете, что американцы снова устроили дебош. Этот сброд будоражит весь город. Ночи не проходит без драки в гостинице или на улицах. О прочих мерзостях я и не говорю.

А у н е. Да, дрянь людишки.

Б е р н и к. А с кого спрашивают? Кто во всем виноват? Я, конечно! Да, да, все шишки валятся на меня. Газеты прозрачно намекают, что мы всерьез ремонтируем только «Пальму». На мне лежит обязанность служить городу примером, а я буду сам подставлять себя под эдакие нападки?! Нет, не потерплю. Не желаю, чтобы мое имя пятнали.

А у н е. Господин консул, вашей безупречной репутации ничего не сделается и от более серьезных обвинений.

Б е р н и к. Мне сейчас нужно все уважение и восхищение, какое я заслужил у сограждан. Как вы наверняка слышали, у меня в руках огромный проект, но если злопыхателям удастся поколебать безграничное доверие горожан к моей персоне, то мне это грозит огромными сложностями и потерями. Я обязан любой ценой обезоружить злобных газетных проныр, поэтому вам я ставлю срок – послезавтра.

А у н е. Господин консул, тогда уж ставьте мне срок сегодня к вечеру.

Б е р н и к. Вы хотите сказать, я требую невозможного?

А у н е. Да. С теми людьми, что у нас сейчас есть...

Б е р н и к. Понятно, понятно. Видимо, придется поискать на стороне.

А у н е. Вы вправду хотите уволить еще кого-то из старых рабочих?

Б е р н и к. Нет, об этом я не думал.

А у н е. Потому как я уверен, если вы так сделаете, начнется ропот и в городе, и в газетах.

Б е р н и к. Не исключено, поэтому мы не станем так делать. Но если «Индиан гёрл» не получит послезавтра визы о готовности, я рассчитаю вас.

А у н е *(вздрыгнув)*. Меня?! *(Смеется.)* Вы шутите, господин консул, да?

Б е р н и к. Вам не стоит уповать на это.

А у н е. Вы пойдете на то, чтобы уволить меня? Мой дед и отец прослужили на верфях всю жизнь, и сам я...

Б е р н и к. Но кто вынуждает меня к этому?

А у н е. Господин консул, вы требуете невозможного.

Б е р н и к. Было бы желание, и все окажется возможным. «Да» или «нет»? Отвечайте ясно, иначе я рассчитаю вас немедленно.

А у н е *(на шаг подступает к консулу)*. Господин консул, вы ведь понимаете, что на самом деле означает увольнение для пожилого рабочего? Пусть поищет себе другое место, скажете вы. Поискать-то он поищет, а вот найдет ли... Вы бы зашли как-нибудь в дом такого уволенного рабочего в тот вечер, когда он возвращается домой и ставит ящик с инструментами у двери.

Б е р н и к. Вы думаете, я увольняю вас с легким сердцем? Разве я не был всегда вполне приличным хозяином?

А у н е. Тем хуже, господин консул. Именно поэтому мои домашние никогда не обвинят вас. Мне они ничего не скажут, не посмеют, но будут коситься исподтишка и думать: наверно, заслужил. Поймите, вот этого... этого я не вынесу. Я, конечно, простой человек, но привык быть первым среди своих. Мой скромный дом тоже малое общество, господин консул. Я поддерживал его на плаву, я был опорой этого малого общества, потому что моя жена верила в меня и мои дети верили в меня. А теперь все рухнет.

Б е р н и к. Что ж, коли иначе не получается, пусть рухнет меньшее во спасение большего. Видит Бог, частным жертвуют во имя общего. Я не могу сказать вам ничего другого, так устроен мир. Вдобавок вы строптивы, Ауне! Вы встали против меня не от безысходности, а от нежелания признать, что сегодня у машин преимущество перед ручным трудом.

А у н е. А вы так твердо стоите на своем, господин консул, потому как рассчитываете моим увольнением заткнуть прессе рот?

Б е р н и к. А хоть бы и так. Вы же знаете, что лежит на весах – или пресса бросится меня душить, или она благосклонно поддержит меня и тот огромный проект, который я сейчас затеваю ради всеобщего блага. Есть ли у меня выбор? Вопрос, по сути, стоит так – удержать на плаву, как вы выражаетесь, ваш дом или пустить ко дну сотни новых домов, которые не поднимутся, не зажгут очага, если я не сумею провести в жизнь то, над чем сейчас работаю. Вот почему я поставил вас перед выбором.

А у н е. Раз вопрос стоит так, то и сказать нечего.

Б е р н и к. Хм... дорогой мой Ауне, мне самому жаль, что мы должны расстаться.

А у н е. Мы не расстанемся, господин консул.

Б е р н и к. Как так?

А у н е. У простого человека тоже есть свои ценности.

Б е р н и к. Так, так. И вы рискнете поручиться, что... Да?

А у н е. «Индиан гёрл» получит послезавтра визы о готовности.

Откланивается и уходит направо.

Б е р н и к. Та-ак, одного упрямца я прогнул. Это хороший знак.

Хилмар Тённесен с сигарой во рту входит в садовую калитку.

Т ё н н е с е н *(с террасы)*. Добрый день, Бетти! Добрый день, Берник!

Г о с п о ж а Б е р н и к. Добрый день.

Т ё н н е с е н. Ты плакала, я вижу. Значит, уже все знаешь, да?

Г о с п о ж а Б е р н и к. Что знаю?

Т ё н н е с е н. Что скандал в разгаре. Уф-ф!

Б е р н и к. Какой скандал?

Т ё н н е с е н *(заходит в комнату)*. Эти двое, американская парочка, ходят по улицам в обществе Дины Дорф.

Г о с п о ж а Б е р н и к *(входит следом)*. Нет, Хилмар, этого не может быть!

Т ё н н е с е н. К несчастью, это истинная правда. А Лона до того бестактна, что еще и окликнула меня: разумеется, я сделал вид, что не услышал.

Б е р н и к. Вряд ли прогулка осталась незамеченной.

Т ё н н е с е н. Не осталась, скажу тебе. Люди на улице останавливались и глазели на них. Скандал полыхнул по городу, как пожар в прериях. Во всех домах стояли у окон и ждали, когда демонстрация пройдет мимо них, голова к голове за каждой занавеской, уф-уф-уф... Бетти, прости, что я говорю «уф», это от нервов. Если так пойдет дальше, придется мне подумать о долгом путешествии.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Надо было тебе заговорить с ним, объяснить...

Т ё н н е с е н. Посреди улицы? Благодарю покорно... И как этот человек вообще посмел явиться сюда? Ладно, посмотрим, не остановит ли его пресса. Бетти, прости, но...

Б е р н и к. Ты сказал – пресса? Ты слышал какие-то разговоры?

Т ё н н е с е н. Да кругом! Вчера, уйдя от вас, я ввиду своего недуга совершил променад в клуб. По тишине при моем появлении я сразу понял, что разговор шел об американцах. А потом этот наглец редактор Хаммер подошел и во всеуслышание поздравил меня с возвращением моего богатого кузена.

Б е р н и к. Богатого?

Т ё н н е с е н. Да, так он выразился. Я, понятно, смерил его подобающим взглядом и растолковал ему, что мне ничего не известно о богатстве Юхана Тённесена. «Надо же, – ответил он, – как странно. В Америке капиталы быстро прирастают, а ваш кузен уехал не с пустыми руками».

Б е р н и к. Так, будь любезен...

Г о с п о ж а Б е р н и к (*встревоженно*). Видишь, Карстен...

Т ё н н е с е н. Да уж. Лично я глаз ночью не сомкнул, из-за этого типа. А сам он как ни в чем не бывало разгуливает себе по улицам. Вот скажите, почему он там не сгинул?! Это ж уму непостижимо, до чего некоторые люди живучи.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Господи, Хилмар, что ты говоришь?

Т ё н н е с е н. Ничего я не говорю. Но он прямо в рубашке родился: крушения поездов, нападения калифорнийского гризли, да хоть черноногих – все мимо него, его даже не скальпировали... Уф-уф-уф, вот и они.

Б е р н и к (*глядя на улицу*). И Улаф с ними!

Т ё н н е с е н. Еще бы! Им надо напомнить каждому, что они в родстве с лучшим семейством города. Вон, полюбуйтесь, вся аптека высыпала на улицу, глазают, бездельники, примечают. Нет, с моими нервами это слишком! Вот как прикажете в таких обстоятельствах высоко нести идеал как знамя...

Б е р н и к. Они идут сюда. Бетти, послушай, я хочу, чтобы ты была с ними предельно дружелюбна, это строгий наказ.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Ты разрешаешь, Карстен?

Б е р н и к. Да, само собой. И тебя это касается, Хилмар. Они, будем надеяться, пробудут здесь недолго. И когда мы с ними наедине... никаких намеков, мы ничем не должны их задеть или обидеть.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Ах, Карстен, сколько в тебе благородства!

Б е р н и к. Ладно, ладно, оставим это.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Нет, позволь мне поблагодарить тебя. И прости мою запальчивость. У тебя были все основания...

Б е р н и к. Оставь! Оставим это, я сказал!

Т ё н н е с е н. Уф!

Юхан Тённесен с Диной, а следом Лона с Улафом проходят через сад.

Л о н а. Ну, здравствуйте, люди добрые.

Ю х а н. Карстен, мы прошлись по старым местам.

Б е р н и к. Да, я слышал. Многое изменилось, правда?

Л о н а. И в основном все благодаря консулу Бернику. Мы были в парке, который ты подарил городу.

Б е р н и к. И в парке тоже?

Л о н а. «Дар Карстена Берника» написано над входом. Похоже, ты печешься в этом городе обо всем.

Ю х а н. И корабли у тебя хоть куда. Я встретил капитана «Пальмы», моего школьного товарища...

Л о н а. Да, школу новую тоже ты построил. И газопровод, и водопровод, все твоими трудами, как говорят.

Б е р н и к. Человек должен заботиться о благе общества, в котором живет.

Л о н а. Это прекрасно, зять. И радостно видеть, как ценят тебя в городе. Я не тщеславна, но не могла удержаться – с кем ни заговорю, всем напоминала, что мы с тобой родня.

Т ё н н е с е н. Уф!

Л о н а. Ты мне «уф» сказал?

Т ё н н е с е н. Нет, я сказал «хм».

Л о н а. Это можно тебе позволить, бедолаге. Что-то вы сегодня в одиночестве?

Г о с п о ж а Б е р н и к. Да, сегодня мы одни.

Л о н а. Понятно. Мы встретили на рынке парочку ваших нравственно испорченных. Они как нас увидели, сразу напустили на себя страшно занятой вид. Но мы не успели толком поговорить с вами вчера, здесь были трое этих энтузиастов, да еще пастор...

Т ё н н е с е н. Учитель.

Л о н а. Я называю его пастором. Но что вы скажете о моей пятнадцатилетней работе? Видите, он стал совсем большим мальчиком. Кто теперь узнает в нем шального дурня, сбежавшего из дома?

Т ё н н е с е н. Хм!

Ю х а н. Лона, не хвались...

Л о н а. Нет, тут есть чем гордиться! Господи, других побед у меня в жизни нет, но эта дает мне право топтать землю дальше. Знаешь, Юхан, когда я вспоминаю, как мы начинали там с нуля, не имея ничего, кроме четырех кулаков...

Т ё н н е с е н. Рук.

Л о н а. Я сказала кулаки, потому что они были заскоруждые...

Т ё н н е с е н. Уф-уф-уф!

Л о н а. ...и пустые.

Т ё н н е с е н. Пустые? Ну, однако, я вам скажу!

Л о н а. Что ты собрался сказать?

Б е р н и к. Хм, хм.

Т ё н н е с е н. Я вам так прямо и скажу – уф! (*Уходит на террасу.*)

Л о н а. Что с ним такое?

Б е р н и к. Не обращай внимания, он нервный в последнее время. А ты не хочешь посмотреть сад? Ты там еще не была, а у меня как раз час свободного времени.

Л о н а. Я с радостью. Вы не поверите, но в мыслях я часто гуляла по вашему саду.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Его тоже не узнать, сейчас увидишь.

Консул с женой и Лоной спускается в сад, и на протяжении следующей сцены зрители иногда мельком видят их.

У л а ф (*в дверях на террасу*). Дядя Хилмар, знаешь, что сказал дядя Юхан? Он спросил, хочу ли я поехать с ним в Америку!

Т ё н н е с е н. Ты? Бездельник и балбес, пристегнутый к мамкиной юбке?

У л а ф. Да, но теперь все, хватит. Вот еще увидишь, каким я вырасту...

Т ё н н е с е н. Ой, пустые слова. В тебе нет настоящей крепости духа и воли, без которой...

Оба выходят в сад.

Ю х а н *(Дине, которая сняла шляпку и, стоя в дверях комнаты направо, отряхивает пыль с платья)*. Вы раскраснелись, пока мы гуляли.

Д и н а. Да, чудесная прогулка. Я никогда не гуляла так чудесно.

Ю х а н. Вы, похоже, нечасто выбираетесь прогуляться с утра пораньше?

Д и н а. Нет, я гуляю, но только с Улафом.

Ю х а н. Вот как. Может, вам больше хочется спуститься в сад, чем быть здесь?

Д и н а. Нет, мне больше хочется остаться здесь.

Ю х а н. Мне тоже. И уговор – мы каждое утро ходим вместе на прогулку.

Д и н а. Нет, господин Тённесен, вам не стоит этого делать.

Ю х а н. Чего мне не стоит делать? Вы же обещали?

Д и н а. Да, но теперь, подумав... Вам не стоит показываться на людях со мной.

Ю х а н. Почему?

Д и н а. Вы приезжий, вы не поймете... ну да я вам объясню.

Ю х а н. Сейчас?

Д и н а. Нет. Все-таки не хочу говорить об этом.

Ю х а н. Что вы, со мной вы можете говорить о чем угодно.

Д и н а. Тогда... Должна сказать вам, что я не такая, как остальные девушки, я... со мной не все просто. Поэтому вам не следует гулять со мной.

Ю х а н. Ничего я из этого не понял. Вы сделали что-то скверное?

Д и н а. Нет. Я – нет, но... Знаете, довольно об этом. Вам и без меня все доложат.

Ю х а н. Хм.

Д и н а. Я очень хотела спросить вас о другом.

Ю х а н. О чем же?

Д и н а. В Америке ведь очень легко выбиться в люди?

Ю х а н. Нет, это не всегда легко, обычно на первых порах приходится много и тяжело работать.

Д и н а. Да я бы с радостью...

Ю х а н. Вы?

Д и н а. Работать я умею. И сама сильная, нехворая, а тетя Марта многому меня научила...

Ю х а н. Так какого черта?! Поехали с нами!

Д и н а. Вы все шутите. И Улафа тоже звали ехать. Но я вот что хотела спросить – люди там, у вас, они... очень большие моралисты?

Ю х а н. Моралисты?

Д и н а. Я имела в виду, они... такие же всегда правильные и благопристойные, как здесь?

Ю х а н. Во всяком случае, люди там не такие плохие, как думают здесь. Вам не стоит об этом тревожиться.

Д и н а. Я тревожусь не о том. По мне, лишь бы они не были эдакая ходячая мораль и сама благопристойность, как здесь.

Ю х а н. Не были? А какими они должны быть?

Д и н а. Я хочу, чтобы они были... настоящие, живые.

Ю х а н. Да, да! Это как раз про них, по-моему.

Д и н а. Тогда хорошо бы мне уехать туда.

Ю х а н. Конечно же, хорошо! Потому вам и надо ехать с нами.

Д и н а. Нет, я не хочу ехать с вами, я хочу одна. О, я сумею пробиться, из меня выйдет толк...

Б е р н и к *(стоя внизу террасы с обеими своими спутницами)*. Не ходи, я сам принесу, дорогая. Так и простудиться недолго. *(Заходит в залу, ищет шаль жены.)*

Г о с п о ж а Б е р н и к *(из сада)*. Юхан, и ты спускайся. Мы идем в грот.

Б е р н и к. Нет, Юхан останется. Дина – возьми шаль моей жены и ступай с ними. Дорогая Бетти, Юхан побудет со мной. Мне надо расспросить его о житье-бытье.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Да, да, но догоняйте потом. Ты знаешь, где нас найти.

Госпожа Берник, Лона и Дина уходят через сад налево.

Б е р н и к *(проводит их взглядом, потом идет и запирает первую левую дверь, а потом подходит к Юхану, хватая его руки, трясет их и жмет)*. Юхан, пока мы одни – позволь мне поблагодарить тебя.

Ю х а н. Ну что ты!

Б е р н и к. Своим домом, и своим семейным очагом, и счастливой семейной жизнью, и положением в обществе – всем я обязан тебе!

Ю х а н. Карстен, дорогой, я рад, что из той дурацкой истории вышло что-то путное.

Б е р н и к *(снова трясет его руки)*. Спасибо, спасибо тебе! Из десяти тысяч ни один не пошел бы на то, что ты для меня сделал.

Ю х а н. Скажешь тоже... Мы были тогда молоды, беспечны. Один из нас должен был взять вину на себя...

Б е р н и к. Проще всего это было бы сделать виновному.

Ю х а н. Стоп, стоп! В ту секунду проще оказалось невиновному. Я был свободен как ветер, родители умерли. Сбежать от нудной каторги в конторе было сущее счастье. А у тебя и старушка-мать жива, и с Бетти ты тайно обручился уже, она была от тебя без ума. Что стало бы с ней, узнай она...

Б е р н и к. Правда, все правда, но...

Ю х а н. И разве не ради Бетти ты решил порвать тайную связь с мадам Дорф? Ты же отправился к ней в тот вечер аккурат затем, чтобы порвать...

Б е р н и к. Да... Злополучный вечер... Пропойца этот вдруг заявляется домой... Конечно, я ради Бетти, но все равно, Юхан, – ты так благородно принял удар на себя и уехал...

Ю х а н. Не угрызайся, Карстен. Мы ведь договорились сделать так. Тебя надо было спасти, я был твоим другом. И как же я гордился дружбой с тобой! Я тут совсем зачах, ощущал себя жалким провинциалом, и вдруг возвращаешься из-за границы ты, весь такой передовой, отменно элегантный, побывавший в Лондоне и в Париже, и выбираешь в наперсники меня! А я еще и на четыре года моложе тебя был... Это теперь я понимаю, что ты вострил лыжи к Бетти, но тогда... Как я гордился! А кто бы не гордился? И кто бы не согласился пойти на жертву ради тебя? Да и требовалось от меня немного – сбежать в большой мир, дав городу месячишко посудачить на мой счет.

Б е р н и к. Хм... Карстен, дорогой, должен сказать, город не забыл ту историю до сих пор.

Ю х а н. Не забыл? Ну, я-то сижу у себя в Америке, мне там на ферме до этого дела нет.

Б е р н и к. Так ты поедешь назад?

Ю х а н. Само собой.

Б е р н и к. Но не сразу, я надеюсь?

Ю х а н. Как только смогу. Я приехал сюда, единственно чтобы составить компанию Лоне.

Б е р н и к. В каком смысле?

Ю х а н. Видишь ли, Лона уже немолода, и в последнее время ею овладела мучительная тоска по родным местам, хоть она никогда в этом не признаётся *(улыбаясь)*, потому что

боится бросить без присмотра меня, бесшабашного ветреника, ведь если я в девятнадцать лет умудрился...

Б е р н и к. То?..

Ю х а н. Прости, Карстен, должен сделать тебе постыдное признание.

Б е р н и к. Ты ведь не рассказал ей правду?

Ю х а н. Рассказал. Это я плохо сделал, но иначе не мог. Ты не представляешь, кем стала для меня Лона. Ты ее всегда недолюбливал, но для меня она была как мать. В первые годы, когда нам приходилось совсем тяжело, – кем только она не работала! Потом я долго болел, лежал, ничего не зарабатывал, но и помешать ей не мог, так она придумала петь куплеты по кафе... читала лекции на потеху публике... даже написала книгу, над которой потом плакала и смеялась, – она не жалела себя, лишь бы я не помер. Каково мне было после этого всю зиму смотреть, как она сохнет от тоски? Я не выдержал, Карстен, и сказал ей – поезжай, Лона, и не бойся за меня, я не такой бесшабашный ветреник, как ты думаешь, – и рассказал ей все.

Б е р н и к. И как она это приняла?

Ю х а н. Ответила, разумно и справедливо, что если я не знаю за собой вины, то и помех для моей поездки сюда нет. Но будь спокоен. Лона ничего не скажет, а я сумею удержать язык за зубами и на сей раз.

Б е р н и к. Да, я тебе верю.

Ю х а н. Вот тебе моя рука. И хватит уже говорить о той истории; тем более мы с тех пор подобных глупостей не повторяли, верно? Я хочу насладиться днями здесь. Как мы чудесно прогулялись утром! Кто бы мог подумать, что эта кроха, которая играла ангелочков в театре... Но скажи мне, как сложилось все дальше у ее родителей?

Б е р н и к. Дорогой, я все написал тебе вдогонку, больше мне добавить нечего. Ты ведь получил от меня два письма?

Ю х а н. Да, да, получил, они оба у меня. Так этот пьянчуга сбежал от нее?

Б е р н и к. А позже окончательно спился.

Ю х а н. Она ведь тоже вскоре умерла? Ты помогал ей тайком, насколько мог?

Б е р н и к. Она была гордая, молчала и помощи не принимала.

Ю х а н. Во всяком случае, ты правильно сделал, что взял Дину в дом.

Б е р н и к. Да, конечно. Кстати, это Марта устроила.

Ю х а н. Марта? Ну да, правда, Марта – как она поживает?

Б е р н и к. Она... когда она не занята школой, то опекает своих увечных.

Ю х а н. Значит, Марта взяла ее под крыло.

Б е р н и к. Да, ты ведь знаешь, у Марты страсть всех просвещать да воспитывать. Она за тем и в школу пошла работать. Тоже была глупость огромная.

Ю х а н. Марта выглядела вчера очень усталой. Боюсь, все это ей не по здоровью.

Б е р н и к. Как раз здоровья ей хватит, чтобы вечно заниматься всем этим, но меня она ставит в неловкое положение. Выглядит так, будто я, родной брат, не хочу ее содержать.

Ю х а н. Содержать? Я думал, у нее достаточно собственных средств...

Б е р н и к. Ни гроша. Ты, верно, помнишь, что к твоему отъезду дела у матери шли уже совсем скверно. Какое-то время она еще удерживала фирму на плаву с моей помощью, но не мог же я вечно просто ссужать ее деньгами. Я стал компаньоном, но толку все равно было мало. В конце концов мне пришлось выкупить фирму, мы с матерью стали рассчитывать, и тут оказалось, что ей не причитается больше ничего. А вслед за тем она умерла, и Марта осталась ни с чем.

Ю х а н. Бедная Марта!

Б е р н и к. Бедная? Почему? Ты ведь не думаешь, что я позволю ей терпеть в чем-то нужду. Нет, я дерзну назвать себя хорошим братом. Разумеется, она живет с нами, питается, а на свое учительское жалованье может одеваться – что еще надо одинокой женщине?

Ю х а н. Мы в Америке не так рассуждаем.

Б е р н и к. Еще бы, в Америке уже всех разагитировали. Но в нашем маленьком мире, пока не тронутым, слава Богу, нравственной порчей, женщины довольствуются достойной, но скромной ролью. Тем более, что Марта сама виновата – давно могла обзавестись кормильцем, стоило ей захотеть.

Ю х а н. Ты имеешь в виду, она могла бы выйти замуж?

Б е р н и к. Да, могла бы составить выгодную партию, у нее было несколько удачных предложений, как ни странно: бесприданница, уже не молодая, заурядная.

Ю х а н. Заурядная?

Б е р н и к. Нет, я не ставлю ей это в упрек. И не желаю иной доли. Сам понимаешь, в большом доме, как наш, всегда хорошо иметь на подхвате такого простого скромного человека.

Ю х а н. Но она сама?..

Б е р н и к. Она? А что с ней? У нее, естественно, много интересов, у нее есть я, и Бетти, и Улаф. Люди не должны думать только о себе, особенно женщины. Каждый на своем месте служит опорой обществу, кто большому, кто малому, печется о его благе. Я, по крайней мере, живу так. *(Кивает в сторону поверженного Крапа, входящего справа.)* Вот тебе живое доказательство. Ты думаешь, я занят своими делами? Ни боже мой. *(Скороговоркой Крапу.)* Ну что?

К р а п *(тихо, показывая стопку бумаг)*. Все купчие в порядке.

Б е р н и к. Отлично! Прекрасно! Шурин, прости, меня зовут дела. *(Тихо, пожимая ему руку.)* Спасибо, Юхан, спасибо. И если я чем-то могу быть тебе полезен, ты только скажи... сам понимаешь. Господин Крап, идите сюда.

Уходят в кабинет консула.

Ю х а н *(некоторое время смотрит Бернику вслед)*. Хм...

Собирается спуститься в сад, но в это время справа входит Марта с маленькой корзинкой на руке.

Ю х а н. О, Марта!

М а р т а. Ой, Юхан, это ты?

Ю х а н. В такую рань ты уже в делах?

М а р т а. Да. Погоди, сейчас все придут. *(Собирается уйти в дверь налево.)*

Ю х а н. Послушай, Марта, ты всегда так спешишь?

М а р т а. Я?

Ю х а н. Вчера ты молчала, и я даже словом с тобой не перемолвился, а сегодня...

М а р т а. Да, но...

Ю х а н. Раньше мы вечно были вместе, товарищи по играм с самого детства.

М а р т а. Ах, Юхан, когда это было?

Ю х а н. Да ровно пятнадцать лет назад, не больше и не меньше. Господи! На твой взгляд, я так сильно изменился, да?

М а р т а. Ты? Да, и ты тоже, еще бы...

Ю х а н. Ты что имеешь в виду?

М а р т а. Нет, ничего.

Ю х а н. Ты как будто бы не очень мне рада.

М а р т а. Я очень долго ждала, Юхан, слишком долго.

Ю х а н. Ждала? Ждала, что я приеду?

М а р т а. Да.

Ю х а н. А для чего мне было приезжать, по-твоему?

М а р т а. Чтобы искупить свое преступление.

Ю х а н. Мое?

М а р т а. Ты забыл, что по твоей вине женщина умерла в нищете и позоре? Забыл, какое горькое детство досталось из-за тебя ребенку?

Ю х а н. И это я должен выслушивать от тебя? Марта, неужели твой брат не...

М а р т а. Что?

Ю х а н. Неужели он не... так, ладно... неужели он не нашел для меня никакого оправдания?

М а р т а. Ах, Юхан, ты же знаешь, как строг Карстен по части морали.

Ю х а н. Угу... понятно, понятно, узнаю строгую мораль моего старинного дружка Карстена. Вот ведь!.. Н-да... Ну и ну... Я только что говорил с ним. По-моему, он очень изменился.

М а р т а. Как ты можешь такое говорить? Карстен всегда был превосходным человеком.

Ю х а н. Я ничего такого не имел в виду, но не будем об этом, ладно. Теперь понятно, в каком свете ты меня видела. И ждала возвращения блудного сына, конечно же.

М а р т а. Послушай, Юхан, давай объясню, в каком свете я видела тебя. *(Показывает в сторону сада.)* Видишь девушку, которая играет с Улафом? Это Дина. А помнишь сбивчивое письмо, которое ты написал мне, уезжая? Что я должна в тебя верить. И я верила в тебя. То ужасное, о чем пошли слухи после твоего бегства, ты наверняка совершил в помрачении, не думая...

Ю х а н. Что ты имеешь в виду?

М а р т а. Не надо, ты прекрасно меня понимаешь. Ни слова больше об этом. Итак, ты уезжаешь, чтобы начать все сначала, с чистого листа. А я остаюсь здесь твоей наместницей, Юхан. Все обязательства, которых ты не помнил или, во всяком случае, не исполнял, я, твоя подруга детства, взяла на себя. Говорю это только с одной целью – чтобы ты не корил себя еще и за неисполненные долги. Я заменила мать пострадавшему ребенку, старалась воспитать ее как можно лучше...

Ю х а н. И положила на это свою жизнь...

М а р т а. Не напрасно. Но ты приехал слишком поздно.

Ю х а н. Марта, если бы я мог рассказать тебе!.. Но позволь мне хотя бы поблагодарить тебя за верность и дружбу.

М а р т а *(с невеселой улыбкой)*. Хм. Вот мы и объяснились, Юхан. Тише, кто-то идет. Прощай, я не могу...

Уходит в заднюю левую дверь. С террасы входят Л о н а и г о с п о ж а Б е р н и к.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Боже мой, Лона, что у тебя за идеи!

Л о н а. Оставь меня, я сказала. Я хочу и должна с ним поговорить.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Ты хочешь нас оскандалить? Ах, Юхан, ты еще здесь?

Л о н а. Марш, марш на улицу, мальчик, не кисни в затхлой комнате. Ступай в сад и поговори с Диной.

Ю х а н. Да, я сам об этом думал.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Но...

Л о н а. Послушай, Юхан, а ты хорошо присмотрелся к Дине?

Ю х а н. По-моему, да.

Л о н а. Рассмотрел? А глаз на нее положил? Парень, она создана для тебя!

Г о с п о ж а Б е р н и к. Лона!

Ю х а н. Для меня?

Л о н а. Чтобы ты на нее любовался, хотела я сказать. Иди уже!

Ю х а н. Иду, иду. С радостью. *(Спускается в сад.)*

Г о с п о ж а Б е р н и к. Лона, ты меня убиваешь своими речами. Ты же это не всерьез?

Л о н а. Клянусь тебе, всерьез. Она живая, здоровая, настоящая, вот такая жена и нужна Юхану за океаном. Это вам не старая сводная сестра.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Сама подумай – Дина! Дина Дорф!

Л о н а. Я думаю прежде всего о счастье мальчика. Он не по этой части, в барышнях и девчонках никогда разбираться не умел, так что тут я должна помочь.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Это Юхан-то? Извини, но у нас есть прискорбные доказательства, что...

Л о н а. Да пропади она пропадом, та дурацкая история! Куда Берник задевался? Я хочу с ним поговорить.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Лона, не смей этого делать, я сказала!

Л о н а. А я сделаю. Если она глянулась мальчику, а он ей, то они должны соединиться. Берник умный, он наверняка найдет выход.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Думаешь, у нас потерпят такое попрание приличий? Здесь не Америка!

Л о н а. Пустые слова, Бетти.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Чтобы такой человек, как Карстен, с его несгибаемой твердостью в вопросах морали...

Л о н а. Чертовски несгибаемой, ага...

Г о с п о ж а Б е р н и к. Что ты посмела сказать?

Л о н а. Я посмела сказать, что вряд ли Берник по части морали крепче всех прочих мужиков.

Г о с п о ж а Б е р н и к. Как же ты его ненавидишь! Но зачем ты вернулась, если так и не смогла забыть, что... У меня в голове не укладывается, что сперва ты его унизила, оскорбила, а теперь как ни в чем не бывало явилась ему на глаза.

Л о н а. Да, Бетти, в тот раз я вела себя некрасиво.

Г о с п о ж а Б е р н и к. А он великодушно простил тебя! Человек, на совести которого нет ни одного проступка! Разве он виноват, что ты питала какие-то надежды? А заодно с ним ты возненавидела и меня. *(Рыдает.)* Не простила мне моего счастья! И теперь явилась нарочно... Пусть весь город видит, в какую семью я ввела Карстена! Под ударом окажусь я, меня оболют помоями. Вот чего ты добиваешься. Как это мерзко с твоей стороны! *(В слезах уходит в ближайшую левую дверь.)*

Л о н а *(проводжает ее взглядом)*. Бедняжка Бетти.

Б е р н и к выходит из своего кабинета.

Б е р н и к *(еще в дверях)*. Да, да, хорошо. Отлично, господин Крап. Отправьте четыреста крон на призрение бедных. *(Оборачивается.)* Лона! *(Подходит ближе.)* Ты одна? Бетти сюда не придет?

Л о н а. Нет. Или мне ее позвать?

Б е р н и к. Нет-нет-нет, что ты! Лона, Лона, ты не представляешь, как я мечтал поговорить с тобой начистоту, вымолить у тебя прощение.

Л о н а. Послушай, Карстен, давай без сантиментов, нам это не к лицу.

Б е р н и к. Нет, выслушай меня, Лона. Знаю, я ужасно выгляжу в твоих глазах теперь, когда ты узнала правду о матери Дины. Но клянусь тебе, это было минутное помешательство. На самом деле я искренне и честно был влюблен тогда в тебя.

Л о н а. По-твоему, зачем я приехала сюда?

Б е р н и к. Что бы ни было у тебя на уме, умоляю: ничего не предпринимай, пока я не оправдаюсь перед тобой. Я могу это сделать, Лона, по крайней мере – объяснить, как получилось.

Л о н а. Боишься?.. Говоришь, был влюблен в меня. Ты и в письмах тогда уверял меня в своей любви. Наверно, даже вполне искренне – ты обретался далеко от дома, в большом свободном мире, он дал тебе смелость мыслить широко и независимо. А что во мне больше характера, силы воли и самостоятельности, чем принято в этом городе, ты уже и сам заметил. Поскольку мы двое хранили все в тайне, ты ничем не рисковал – даже тем, что станут издеваться над твоим дурацким выбором.

Б е р н и к. Лона, как ты можешь думать...

Л о н а. Но когда ты вернулся домой, услышал колкости по моему адресу, а здесь на них не скупилась, обнаружил, что хорошим тоном считается издеваться и насмешничать над моими выкрутасами, как их называли...

Б е р н и к. Ты в то время церемонностью не отличалась...

Л о н а. Мне просто нравилось дразнить местных блюстителей нравов в юбках и штанах... И когда ты встретил юную смазливую актриску...

Б е р н и к. Клянусь, из слухов, которыми полнился город, и десятая часть не была правдой. Пустое бахвальство...

Л о н а. Предположим. Но тут домой возвращается красавица Бетти, яркая, прелестная... Никто не может перед ней устоять, да к тому же становится известно, что тетушка отписала все наследство ей, а я не получу ни гроша...

Б е р н и к. Лона, вот мы и дошли до сути. Скажу как есть, без обиняков: я не любил тогда Бетти и порвал с тобой не из-за нового чувства, а из-за денег. Я был вынужден. Я обязан был пополнить эти деньги.

Л о н а. И ты говоришь мне это в глаза?

Б е р н и к. Да, говорю. Выслушай меня, Лона.

Л о н а. Хотя в письмах писал, что тобой овладела неодолимая страсть к Бетти. Взывал к моему великодушию, заклинал ради Бетти никому не рассказывать о нас...

Б е р н и к. Могу только повторить – я был вынужден.

Л о н а. Боже правый, тогда я ничуть не раскаиваюсь, что так вспылила на прощанье.

Б е р н и к. Позволь мне холодно и спокойно обрисовать тебе тогдашнее положение дел. Как ты помнишь, во главе семейного предприятия стояла моя мать, но у нее не было коммерческой хватки. Положение стало критическим, и меня спешно отозвали из Парижа возвращать фирму к жизни. И знаешь, что я обнаружил? Оказалось, но только пусть это останется тайной, что фирма разорена. Да, да, старинный уважаемый торговый дом, переживший три поколения, фактически обанкротился. Мне, единственному сыну, не оставалось ничего другого, как искать средства для спасения фирмы.

Л о н а. И ты спас фирму за счет женщины.

Б е р н и к. Ты прекрасно знаешь, что Бетти меня любила.

Л о н а. А я?

Б е р н и к. Поверь мне, Лона, ты никогда не была бы счастлива со мной.

Л о н а. Ты заплатил мной, заботясь о моем счастье?

Б е р н и к. Может, ты думаешь, я искал выгоды для себя и поэтому поступил так? Будь я один, я бы не побоялся начать сначала. Но ты не представляешь себе, как срастается коммерсант с делом, которое получает в наследство вместе с безмерной ответственностью. Горе и радость сотен, нет, тысяч людей зависели от меня. Ты понимаешь, как пострадал бы город, который и ты, и я называем родиной, если бы фирма Берников лопнула?

Л о н а. И пятнадцать лет ты живешь во лжи тоже ради блага общества?

Б е р н и к. Во лжи?

Л о н а. Что известно Бетти о твоей жизни до брака с ней и о его истинных причинах?
Б е р н и к. Зачем бы я без всякой пользы стал ранить ее признаниями?

Л о н а. Без пользы, ты сказал? Ах да, ты же коммерсант, тебе важны польза и выгода. Знаешь, Карстен, теперь я тоже хочу сказать холодно и спокойно. Ответ – сейчас ты правда счастлив?

Б е р н и к. В семейной жизни?

Л о н а. Хотя бы.

Б е р н и к. Да, Лона, счастлив. Твоя дружеская жертва в мою пользу была не напрасна. Рискну сказать, что с каждым годом счастье мое прирастает. Бетти добрая и покладистая. И поскольку с годами она научилась подстраиваться под мой характер...

Л о н а. Хм.

Б е р н и к. Сперва она ждала какой-то сказочной любви и отказывалась понимать, что мало-помалу любовь должна уступить место теплему дружескому участию.

Л о н а. Но теперь им обходится?

Б е р н и к. Полностью. Тебе стоит знать, что ежедневное общение со мной не прошло для нее бесследно, оно сделало ее мудрее. Только научившись не требовать друг от друга невозможного, люди могут сполна проявить себя в обществе, где им досталось жить. Бетти постепенно приняла это, поэтому сегодня наш образцовый дом – пример всему городу.

Л о н а. Но горожане не знают о лжи?

Б е р н и к. О лжи?

Л о н а. Да. О лжи, с которой ты прожил пятнадцать лет.

Б е р н и к. Ты называешь это?..

Л о н а. Ложью. Я называю это тройной ложью. Ты обманул меня, ты обманул Бетти, ты обманул Юхана.

Б е р н и к. Бетти никогда не требовала, чтобы я заговорил.

Л о н а. Потому что она ничего не знала.

Б е р н и к. И ты не станешь этого требовать – оберегая ее, не станешь.

Л о н а. Не стану. Мне насмешки, хохот и издевательства города нипочем, у меня спина крепкая.

Б е р н и к. И Юхан не станет, он мне обещал.

Л о н а. Но ты сам, Карстен? Неужто ничто в тебе не требует выпутаться из лжи?

Б е р н и к. Я должен добровольно пожертвовать моим семейным счастьем и моим положением в обществе?!

Л о н а. Какое право ты имеешь на это положение?

Б е р н и к. Пятнадцать лет я каждый день мало-помалу завоевывал себе это право своим трудом, успехами и беспорочной жизнью.

Л о н а. Да, ты много сделал и многого добился, и для себя, и для других. Ты самый богатый и влиятельный человек в городе, перед твоей волей склоняются, не рискуя спорить, потому что считают тебя безупречным, твой дом – примерным, а поведение – образцовым. Но и великолепие, и сам ты стоите на зыбком болоте. Один миг, одно слово – и тебя утянет на дно вместе со всем великолепием, если не спасешься вовремя.

Б е р н и к. Лона, чего ты хочешь здесь добиться?

Л о н а. Хочу помочь тебе обрести твердую почву под ногами, Карстен.

Б е р н и к. Мсть! Ты хочешь отомстить? Я так и думал. Но ничего у тебя не выйдет. Только один человек имеет право на разоблачение, а он будет молчать.

Л о н а. Юхан?

Б е р н и к. Да, Юхан. Если обвинять меня возьмется кто-то другой, я буду все отрицать. Когда меня хотят уничтожить, я бьюсь насмерть. Ничего у тебя не выйдет, я сказал! Тот, кто мог бы меня свалить, не откроет рта – и скоро уедет отсюда.

Коммерсант Руммель и торговец Вигеланн выходят из правой двери.

Р у м м е л ь. День добрый, день добрый, дорогой Берник. Мы за тобой, пора идти в Торговый союз, у нас собрание по поводу железной дороги, ты же помнишь.

Б е р н и к. Я не могу сейчас. Это невозможно.

В и г е л а н н. Вы должны, господин консул, правда.

Р у м м е л ь. Ты обязан, Берник. Там будут наши противники, редактор Хаммер и прочие поборники приморской линий. Теперь они утверждают, что новый вариант пахнет чьей-то корыстной наживой.

Б е р н и к. Так объясните же им...

В и г е л а н н. Мои объяснения делу не помогут, господин консул.

Р у м м е л ь. Нет, нет, ты должен пойти сам. Тебя в шахер-махерах никто заподозрить не посмеет.

Л о н а. Что я и говорила.

Б е р н и к. Сказал ведь, не могу. Я плохо себя чувствую... или все же... дайте собраться...

Из двери справа появляется у ч и т е л ь Р ё р л у н д.

Р ё р л у н д. Прошу простить, господин консул. Вы видите меня в крайнем возмущении...

Б е р н и к. Да, да, что с вами стряслось?

Р ё р л у н д. Я должен задать вам вопрос, господин консул. С вашего ли согласия юная девушка, которая нашла приют под вашим кровом, прилюдно ходит по городу в сопровождении человека, который...

Л о н а. Какого человека, господин пастор?

Р ё р л у н д. В обществе человека, от которого особенно ей надлежит держаться как можно дальше.

Л о н а. Ха-ха!

Р ё р л у н д. Это с вашего ведома, господин консул?

Б е р н и к. *(берет шляпу и перчатки)*. Я ничего не знаю. Простите, я спешу, меня ждут в Торговом союзе.

Т ё н н е с е н. *(входит из сада и направляется к ближайшей левой двери)*. Бетти, Бетти, послушай!

Г о с п о ж а Б е р н и к. *(в дверях)*. Что?

Т ё н н е с е н. Ты должна спуститься в сад и положить конец заигрываниям, которые некое лицо позволяет себе с Диной. У меня нервов не хватает слушать это.

Л о н а. Вот как? Что же это лицо говорит?

Т ё н н е с е н. Убеждает ее поехать с ним в Америку, вот что! Уф-уф-уф!

Р ё р л у н д. Да как это возможно!

Г о с п о ж а Б е р н и к. Что ты говоришь?!

Л о н а. Вот было бы чудесно!

Б е р н и к. Невозможно! Ты не так расслышал!

Т ё н н е с е н. Спроси его сам. Парочка сюда идет. А я постою снаружи.

Б е р н и к. *(Руммелю и Вигеланну)*. Я вас догоню через минуту.

Коммерсант Руммель и торговец Вигеланн уходят направо. Из сада входят Ю х а н и Д и н а.

Ю х а н. Лона, ура! Она едет с нами!

Г о с п о ж а Б е р н и к. Но Юхан... что за безрассудство!..

Р ё р л у н д. Это правда? Какой грандиозный скандал! Какими приемами соблазнения вы...

Ю х а н. Потихе, господин хороший. Что вы такое говорите?

Р ё р л у н д. Ответьте мне, Дина. Это ваша воля, вас к этому решению не принудили?

Д и н а. Я должна уехать отсюда.

Р ё р л у н д. Но чтобы с ним! С ним!..

Д и н а. Назовите мне здесь другого, кто решился бы взять меня с собой.

Р ё р л у н д. Извольте узнать правду об этом человеке!

Т ё н н е с е н. Молчите!

Б е р н и к. Ни слова больше!

Р ё р л у н д. Молчанием я сослужил бы дурную службу обществу, стражем морали и нравственности коего я поставлен; это было бы безответственно по отношению к юной особе, в воспитании коей я принял существенное участие, и она для меня...

Т ё н н е с е н. Побойтесь, не делайте этого!

Р ё р л у н д. Она должна знать! Дина, несчастья и позор на вашу мать навлек этот человек.

Б е р н и к. Господин учитель!!!

Д и н а (*Юхану*). Это правда?

Ю х а н. Карстен, ответь ты.

Б е р н и к. Ни слова больше! Сегодня все молчат.

Д и н а. Значит, правда.

Р ё р л у н д. Правда, правда. И больше того. Этот человек, которому вы оказываете доверие, сбежал отсюда не с пустыми руками – консул может засвидетельствовать!

Л о н а. Лжец!

Б е р н и к. Ах!

Г о с п о ж а Б е р н и к. О Боже, Боже!

Ю х а н (*идет к нему с поднятой рукой*). И ты смеешь!..

Л о н а (*с мольбой*). Не бей его, Юхан!

Р ё р л у н д. Давайте, нападайте на меня. Но правду не удержишь под спудом, а это правда. Господин консул Берник сам так сказал, и весь город знает. Вот, Дина, теперь видите.

Короткая тишина.

Ю х а н (*тихо, схватив Берника за руку*). Карстен, Карстен, что же ты наделал!

Г о с п о ж а Б е р н и к (*тихо плачет*). Ах, Карстен, как я могла навлечь на тебя такой позор!

С а н с т а д (*быстро входит в правую дверь и кричит с порога*). Господин консул, идите скорее! Весь план с железной дорогой висит на волоске!

Б е р н и к (*рассеянно*). Что такое? Куда идти?

Л о н а (*серьезно, с расстановкой*). Иди, зять, крепи опоры общества.

С а н с т а д. Да, идемте, идемте, нам нужен весь ваш моральный авторитет.

Ю х а н (*стоя вплотную*). Берник, я поговорю с тобой завтра.

Уходит через сад; Берник понуро плетется направо вместе с торговцем Санстадом.

Действие третье

Зала в доме консула Берника.

Б е р н и к в ярости выходит из дальней комнаты с тростью в руке и оставляет дверь полуоткрытой.

Б е р н и к. И надо было наконец проучить его разок! Порку он небось запомнит. *(Кому-то в комнате.)* Что ты сказала? А я тебе скажу, что ты полоумная мать. Ты его оправдываешь, поддерживаешь во всех хулиганствах. Не хулиганство? А что это, по-твоему: сбежать ночью из дома, уйти в море на рыбацкой шхуне, пропасть на полдня, заставив меня умирать от страха. Будто мало мне забот! И этот сопляк еще смеет угрожать мне, что сбежит из дома! Пусть попробует... Ты? Так я и думал; на его благо тебе плевать. Пусть рискует жизнью, тебе и дела нет... Что? Да, я, знаешь ли, собираюсь оставить после себя дело, и мне не с руки оказаться бездетным. Никаких возражений, Бетти! Как я сказал, так и будет: он под домашним арестом... *(Прислушивается.)* Тсс, чужие ничего не должны заметить.

П о в е р е н н ы й К р а п входит справа.

К р а п. У вас найдется минутка, господин консул?

Б е р н и к (бросает трость). Конечно. Вы были на верфи?

К р а п. Прямиком оттуда. Хм...

Б е р н и к. И? Только не говорите, что с «Пальмой» не все в порядке.

К р а п. «Пальма» может сниматься с якоря завтра, но...

Б е р н и к. Значит, «Индиан гёрл»? Я так и знал, что этот упрямый...

К р а п. «Индиан гёрл» тоже может отчаливать завтра – но далеко она не уйдет.

Б е р н и к. Что вы имеете в виду?

К р а п. Простите, господин консул, – эта дверь закрыта неплотно, и там кто-то есть...

Б е р н и к (закрывает дверь). Теперь закрыто плотно. И чего никто не должен слышать?

К р а п. Мастер Ауне задумал пустить ко дну «Индиан гёрл» со всем живым и мертвым грузом.

Б е р н и к. Боже милостивый, да как вы можете обвинять?..

К р а п. Никак иначе не могу объяснить себе происходящее, господин консул.

Б е р н и к. Так, изложите мне коротко...

К р а п. Постараюсь. Вы знаете, как туго идет работа на верфи с новыми машинами и новыми неумелыми рабочими.

Б е р н и к. Да, да.

К р а п. Но когда я заходил утром, то обратил внимание, как продвинулись работы на американце. Днище – вы помните эту прореху, совершенно прогнивший кусок?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.